

ПИТЕР ВРОНСКИ

криминальный историк

СЕРИЙНЫЕ УБИЙЦЫ

ОТ А ДО Я

**ИСТОРИЯ,
ПСИХОЛОГИЯ,
МЕТОДЫ
УБИЙСТВ
И МОТИВЫ**

Питер Вронский
Серийные убийцы от А до Я. История, психология, методы убийств и мотивы
Серия «Портрет психопата.
Профайлер о серийных убийцах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528463

*Серийные убийцы от А до Я. История, психология, методы убийств и мотивы: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190752-5*

Аннотация

Откуда взялись серийные убийцы и кто был первым «зарегистрированным» маньяком в истории? На какие категории они делятся согласно мотивам и как это влияет на их преступления? На чем «попадались» самые знаменитые убийцы в истории и как этому помог профайлинг? Что заставляет их убивать снова и снова? Как выжить, повстречав маньяка? Все, что вы хотели знать о феномене серийных убийств, – в масштабном исследовании криминального историка Питера Вронски.

Тщательно проработанная и наполненная захватывающими историями самых знаменитых маньяков – от Джеффри Дамера и Теда Банди до Джона Уэйна Гейси и Гэри Риджуэя, книга «Серийные убийцы от А до Я» стремится объяснить безумие, которое ими движет. А также показывает, почему мы так одержимы тру-краймом, маньяками и психопатами.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие. Двое моих серийных убийц	8
Часть первая. История монстров	27
1. Постмодернистская эпоха серийных убийств, 1970–2000 годы: Молчание «не таких мертвых»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Питер Вронски

Серийные убийцы от А до Я. История, психология, методы убийств и мотивы

*Посвящается моей жене Анне и моим дочерям
Кюнтел и Ализе*

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие. Двое моих серийных убийц

Серийные убийцы знают, что они невидимы.
Роберт Д. Кеннел, следователь по уголовным делам

У меня проблема с женщинами.
Ричард Коттингем, убийца с Таймс-сквер

Я не являюсь профессиональным экспертом по серийным убийцам. Я никогда не был профайлером в ФБР, полицейским, криминалистом или криминальным психологом. Я не писал диссертаций о них и не интервьюировал серийных убийц в тюрьмах, даже не вел с ними переписки. Я никогда не покупал их рисунков или памятных вещей. Иными словами, я похож на вас: просто любопытный обыватель. Помимо чтения статей о серийных убийцах и просмотра передач о них по телевидению, моим единственным опытом взаимодействия с ними являются две короткие личные встречи с теми, кого позднее опознают и поймают. Вы можете решить, что *это* и отличает меня от вас, но не спешите с выводами.

В своих поездках по миру я случайно столкнулся с двумя известными «потрошителями»: Ричардом Коттингемом, Убийцей с Таймс-сквер, которого впоследствии связали с пятью убийствами и расчленениями в Нью-Йорке и Нью-

Джерси, и с Андреем Чикатило, Красным потрошителем, с которым мы встретились в России за несколько дней до того, как он совершил последние три из своих более чем пятидесяти убийств женщин, подростков и детей. В обоих случаях я узнал, с кем меня свела судьба, гораздо позднее. Наша встреча с Коттингемом была настолько же драматической, как с Чикатило – банальной и незапоминающейся.

С Ричардом Коттингемом я столкнулся буквально на десять секунд ранним субботним утром в декабре 1979 года в Нью-Йорке. Я работал помощником продюсера на съемках фильма в Торонто. Каждые несколько дней я летал в Нью-Йорк и доставлял пленку на проявку в лабораторию, расположенную близ Таймс-сквер. Это было целое мероприятие: мне надо было прилететь в Нью-Йорк с утра, быстро завезти пленку, а потом дожидаться, пока на следующий день мне ее отдадут.

Обычно я получал билет на самолет и конверт с наличными; предполагалось, что я сам позабочусь об отелях и питании. Обычно съемочные группы останавливаются в хороших отелях бизнес-класса – «Шератон», «Хилтон» и т. п., – и мне выдавали достаточно средств, чтобы я мог селиться и питаться в таких местах. Молодой, увлеченный панк-музыкой, я уже бывал в Нью-Йорке, приезжая с одним рюкзаком; мне случалось ночевать на полу в музыкальном клубе CBGB на Бауэри и перебиваться сыром и вином на открытиях галерей. Соответственно я предпочитал обходиться бо-

лее скромными жилищами в своих командировках, а деньги тратить на клубы, пластинки, книги и электронику. Но в одной из таких поездок я зашел слишком далеко.

Из-за непредвиденной технической задержки в лаборатории мне пришлось остаться в Нью-Йорке на весь уик-энд. Чтобы растянуть оставшуюся наличность на несколько дополнительных ночей, я решил перебраться в совсем убогую гостиницу. Рано утром в субботу я подошел к зданию на 42-й Западной улице, в двух кварталах от Хадсон-Ривер, близ обрушенных развалин Вестсайдской эстакады. Там предлагали номера со скидкой, но расположение отеля было крайне неудобным – поблизости ни станции метро, ни достопримечательностей, ни офисных зданий. Гостиница находилась в заброшенном в те времена районе вокруг Десятой авеню, заслуженно именовавшимся «Адской кухней». Она не годилась даже для наркоманов и проституток, собиравшихся в нескольких кварталах к западу, на участке, который тогда называли «сорок-двойкой» – неприглядном отрезке 42-й Западной улицы, где находились порнокиоски, клубы с живыми секс-шоу и магазины, торговавшие холодным оружием, занимавшие обе стороны проезжей части от Бродвея, вдоль автовокзала и до Восьмой и Девятой авеню. Несмотря на крайнюю дешевизну, отель показался мне довольно чистым и безопасным, к тому же от него можно было пешком дойти до лаборатории, где меня ждали на следующее утро.

Номер я не бронировал, и мне сказали подождать: я смо-

гу заселиться через полчаса, потому что другие постояльцы выезжают. Я решил пока подняться и посмотреть, насколько там ужасно. Лифта пришлось ждать так долго, что я начал сердиться: его целую вечность держали на верхнем этаже. Наконец, он поехал вниз, и когда двери открылись, тот парень, что предположительно задержал лифт, вышел в холл. Он пошел прямо на меня со стеклянными, как у зомби, глазами, словно ничего не видел перед собой, и толкнул боком. Одновременно он задел мою ногу мешком или чемоданом – тогда я точно не понял. Я и сейчас не могу сказать, что именно он нес, и не могу описать, что почувствовал в тот момент. Единственное, что мне запомнилось, это его лоб, блестящий от пота, и отвратительная стрижка – как щетина у швабры. Мне показалось, что ему чуть больше тридцати; у него были волосы песчаного цвета и бледное лицо офисного работника – кем он впоследствии и оказался (хотя другие свидетели утверждали, что кожа у него была «оливковой»). К тому моменту, когда двери лифта сомкнулись у меня за спиной, я уже напрочь о нем забыл.

Я поехал наверх, ткнув в случайную кнопку на панели. Выйдя на этаже, я сразу заметил слабый, но ощутимый запах паленого, хотя дыма не увидел, и подумал, что это просто въевшийся аромат самого отеля. В глаза мне не бросилось ничего особенно ужасного, но запах становился все сильнее, и в нем проявились ноты горелых волос или куриных перьев. Тогда я этого не знал, но именно так пахнет горящая чело-

веческая плоть.

И тут мой взгляд привлекли мелкие темные хлопья какой-то жирной субстанции, кружащиеся в воздухе, как черные снежинки. Я поймал одну, и на моем пальце остался черный след. Коридор словно заволакивало туманом, а запах явно указывал на пожар – словно горели дрова в дровяной печи. С лестницы до меня донеслись звуки какой-то суматохи, потом включилась сигнализация. Я поспешил назад в холл и оказался там как раз в тот момент, когда на улице напротив остановилась пожарная машина. Это, конечно, испортило впечатление о гостинице (мягко говоря), и я немедленно решил поискать другой ночлег.

На следующее утро я прочел в газетах, что пожарные, приехавшие на вызов, обнаружили в номере тела двух убитых женщин, лежавшие на сдвоенной кровати, с которой начался пожар. Пожарный вытащил одну из них из задымленной комнаты, чтобы попытаться сделать ей искусственное дыхание изо рта в рот, но увидел, что у нее нет головы и рук. Сначала он решил, что это манекен. Опытный спасатель, проработавший в пожарной службе Нью-Йорка пятнадцать лет, он потом говорил, что едва не дошел до того, чтобы обратиться за помощью с посттравматическим расстройством: «Я никогда не видел ничего подобного. И надеюсь не увидеть впредь»¹.

Одежда обеих убитых была сложена в аккуратные стопки в ванной, сверху стояли туфли на платформах. За исклю-

чением пятен на матрасах, в номере практически не осталось следов крови, отпечатков пальцев или других улик. Инструменты, которыми преступник расчленил трупы, он унес с собой. Помимо отрезанных голов и рук, на трупах имелись следы жестоких пыток: ожоги от сигарет, синяки и укусы на груди.

Тогда я не связал эту статью с человеком, толкнувшим меня у лифта. Я даже о нем не подумал. Каким-то образом мои блуждания по отелю среди хлопьев пепла, звуки сирены и зрелище пожарных машин на улице заставили меня его забыть. Я все понял, только когда Ричарда Коттингема арестовали и предъявили обвинение: пытки и убийства молодых женщин, преимущественно проституток, в Нью-Йорке и Нью-Джерси, включая двух жертв в отеле. Увидев фотографию в газете, я сразу его узнал: та же отвратительная стрижка и бледное лицо.

С тех пор меня преследовала мысль, что когда он вышел тем утром из лифта, то нес с собой руки и головы убитых. Убийца не стал бы рисковать и оставлять два обезглавленных трупа без присмотра в номере отеля, чтобы пойти выбросить отрубленные руки и головы, а потом вернуться и устроить поджог. Получается, именно этим грузом он задел мне по ноге, когда мы столкнулись в холле. (Правда, он мог сначала убить одну женщину, оставить ее тело в гостинице, и привести другую; точно так же возможно, что он убил их вместе. Коттингем этого так и не рассказал.)

Ричард Фрэнсис Коттингем, тридцати четырех лет, как стало известно позже, был недавно разведенным отцом троих детей и жил в пригороде Нью-Джерси. Соседи описывали его как человека сдержанного и молчаливого, но любящего отца – он всегда ходил с детьми на охоту за сладостями на Хэллоуин. Сын служащего страховой компании, школьный спортсмен, Ричард всегда держался одиночкой и последние шестнадцать лет работал компьютерным оператором в страховой компании «Синий крест – Синий щит» на Третьей авеню в центре Манхэттена. Он считался надежным и ценным сотрудником. Предпочитал смены с 15:00 до 23:00 – видимо, чтобы убивать по ночам после работы или в выходные.

Головы и руки жертв из отеля на Таймс-сквер так и не были найдены, несмотря на то что полиция обыскала все дно реки на прилегающем участке. Одну из жертв удалось опознать по рентгеновским снимкам – ею оказалась Диди Гударзи, проститутка из Кувейта двадцати трех лет, мать четырехмесячного ребенка. Вторая жертва, в возрасте младше двадцати, так и осталась неопознанной.

Полгода спустя Коттингем убил и изувечил труп еще одной нью-йоркской проститутки, двадцатипятилетней Джин Мэри Энн Рейнер. Ее обнаружили в старинном, но пришедшем в упадок отеле «Севилья» на 29-й улице близ Мэдисон-авеню. На этот раз убийца отрезал жертве груди и положил их на изголовье кровати, прежде чем поджечь номер.

Коттингем предпочитал охотиться ближе к дому, в Нью-

Джерси. Жертв он выбирал или на улицах Манхэттена, или в барах. Он предлагал им выпить или поужинать, а потом подсыпал «наркотик изнасилования» в их бокалы. Дальше завлекал или затаскивал полубессознательную жертву к себе в машину и вез через реку в Нью-Джерси в дешевые мотели, стоящие вдоль дороги. Заносил в номер через задние двери, держал там и пытал в течение продолжительного времени. Те, кому повезло больше, приходили потом в себя в кювете или в комнате мотеля: они были голые, изнасилованные вагинально и анально, со страшными ранами и почти ничего не помнили из-за действия наркотика. Они оставались в живых потому, что Коттингем относился к особому типу серийного убийцы – *возбуждающегося от злобы* или *садистического*. Коттингем получал удовольствие не от убийства, а от пыток жертвы. Ему было все равно, умрет она или выживет, когда пытка закончится – и если жертва умирала до того, как Коттингем получал удовлетворение, он продолжал измывательства над трупом. Закончив, он бросал жертву, словно мусор, не заботясь о том, оставляет ее мертвой или живой. Некоторым жертвам повезло выжить, но другим – нет.

Тело девятнадцатилетней Валери Энн Стрит обнаружили в мотеле «Хасбрук-Хайтс Кволити-Инн» в Нью-Джерси сотрудники службы уборки. Уборщица собралась пропылесосить под кроватью, но что-то мешало: она подняла матрас и увидела чудовищно изуродованный труп, засунутый под кровать. Руки жертвы были скованы за спиной наручника-

ми, тело покрыто следами укусов и ударов ремнем. Валери Стрит скончалась от асфиксии; на рту у нее остались следы скотча. Скотч Коттингем забрал с собой после того, как убил девушку. А вот ключ от наручников он, похоже, потерял, потому что оставил их на трупе – фатальная ошибка, ведь на внутренней стороне полиция нашла отпечаток его пальца.

Одна из жертв не была проституткой. Труп Мэри Энн Карр, врача-рентгенолога двадцати шести лет, нашли под сетчатым забором на парковке того же мотеля в Нью-Джерси двумя годами ранее. У нее были порезы на груди и ногах, следы ударов тупым орудием, множественные укусы и синяки. На запястьях остались следы от наручников, а на рту – клейкой ленты. Этой же клейкой лентой ее и задушили.

Коттингема арестовали 22 мая 1980 года, спустя шесть месяцев после моей встречи с ним. Он похитил восемнадцатилетнюю Лесли Энн О’Делл, которая предлагала услуги проститутки на углу Лексингтон-авеню и 25-й улицы. Четырьмя днями ранее она приехала в Нью-Йорк на автобусе из штата Вашингтон и прямо на автовокзале попала в руки сутенеров. Коттингем напоил ее и до трех часов ночи рассказывал о своей работе и доме в пригороде. Дальше он предложил ей поехать с ним в Нью-Джерси, чтобы сбежать от сутенера. Лесли с благодарностью согласилась. Когда мост Джорджа Вашингтона остался позади, он угостил Лесли стейком в круглосуточном кафе. Он был вежливый, щедрый, обаятельный и хотел помочь. В какой-то момент она согласилась

заняться с ним сексом за 100 долларов. На рассвете они заселились в тот же «Хасбрук-Хайтс Кволити Инн», где всего восемнадцать дней назад Коттингем оставил под кроватью труп жертвы. И никто его не узнал.

Сняв комнату, Коттингем подъехал к задним дверям motel, и они с девушкой вошли внутрь. Оставив ее одну, Коттингем вернулся к машине, сказав, что хочет припарковаться в другом месте. Из машины он принес пакет с бутылкой виски и атташе-кейс. Было около пяти часов утра.

Коттингем предложил сделать усталой спутнице массаж, и она охотно перекадилась со спины на живот. Придушив ее сзади, он вытащил из атташе нож и прижал ей к горлу, а руки сковал наручниками. Когда Лесли попыталась убедить Коттингема в том, что это лишнее, он начал ее пытать и едва не откусил один сосок. По ее словам, он повторял: «Так тебе и надо! Другим досталось, достанется и тебе. Ты шлюха, и тебя надо наказать».

Обвинения, перечисленные в приговоре, который вынес Коттингему суд Нью-Джерси дают представление о том, как прошли последние четыре часа в жизни О'Делл:

Похищение, преднамеренное убийство, нападение с отягчающими обстоятельствами, нападение с угрозой оружием, сексуальное насилие с угрозой оружием (изнасилование), сексуальное насилие с угрозой оружием (содомия), сексуальное насилие с угрозой оружием (фелляция), хранение оружия,

хранение запрещенных веществ, «Секобарбитал» и «Амобарбитал» или «Туинал», хранение запрещенных веществ – «Диазепам» или «Валиум».

Между эпизодами насилия, содомии, принудительного орального секса, побоями, укусами, порезами ножом и избиванием кожаным ремнем Коттингем делал передышки, заботливо вытирая лицо жертвы прохладным мокрым полотенцем. А потом начинал снова. Крики боли, которые издавала О’Делл через кляп, слышал персонал, и без того перепуганный убийством, случившимся восемнадцать дней назад. Сотрудники вызвали полицию и стали стучать в номер, требуя, чтобы Коттингем открыл дверь. Тот собрал свои пыточные инструменты и вырвался из комнаты, но в холле его остановили прибывшие полицейские.

На этом Коттингему наступил конец. За преступления, совершенные на территории Нью-Джерси, он получил несколько сроков от шестидесяти до девяноста пяти лет, пожизненный приговор и двадцать пять лет лишения свободы и еще один срок минимум на тридцать лет. После чего был экстрадирован в Нью-Йорк, на новый процесс – по убийствам на Таймс-сквер. Больше мы Ричарда не увидим.

Коттингем до конца отрицал, что совершал эти убийства, хотя у него дома были обнаружены вещи, принадлежавшие жертвам, а его отпечаток остался на наручниках, фигурировавших в одном из преступлений. Единственное, что Коттингем признал: «У меня проблемы с женщинами».

Та мимолетная встреча с Коттингемом произвела на меня такое впечатление, что я рассказывал о ней на протяжении долгого времени, даже не зная, что успел повстречаться с еще одним серийным убийцей – украинским каннибалом Андреем Чикатило, который убил и изувечил пятьдесят три жертвы в Советском Союзе.

В 1990 году я снимал документальные фильмы для телевидения и в октябре оказался в Москве, на съемках материала о переменах, произошедших в стране при Горбачеве. Однажды наша съемочная группа наткнулась на необычное зрелище: на газоне перед отелем, расположенным сразу за Красной площадью и храмом Василия Блаженного, около пятисот человек развернули палаточный городок. Они съехались туда со всей страны; это были преимущественно пенсионеры, которые протестовали против сталинских репрессий в далеком прошлом. К своим палаткам они крепили странные плакаты и транспаранты. Некоторые клеили прямо на лоб листки бумаги с протестами и фразами на ломаном английском вроде «Ленин придурок». У некоторых были стенды с вывешенными на них документами, письмами и фотографиями в подтверждение их жалоб. Я бродил между палаток со своей командой и заговаривал с людьми, ища тех, у кого можно взять интервью для фильма. Похоже, все там были немного ущербными или психически больными; с учетом того, что происходило с ними в сталинскую эпоху, это неудивительно.

И вот я подошел к небольшому стенду, завешенному красно-сине-белым имперским русским триколором. В 1990 году в России его редко можно было увидеть. Стенд принадлежал мужчине с проседью в волосах и в толстых очках. Больше я ничего не могу о нем вспомнить, кроме того, что он был тщательно выбрит и относительно хорошо (для СССР) одет – в пиджаке, чистой сорочке и с аккуратно повязанным галстуком. На вид я бы дал ему около пятидесяти лет; в своей чистой одежде, относительно молодой, он выделялся на фоне обнищавших и обросших русских пенсионеров, занимавших соседние палатки. В нем была некая тонкость, даже интеллигентность. Рядом с ним стоял кожаный «дипломат» из тех, с которыми практически все советские бюрократы ходили на работу.

Он представился – правда, я позднее забыл его имя, – и сказал мне, откуда приехал. Сначала он говорил спокойно, как воспитанный и образованный человек. Несколько его фраз на английском отличались хорошим произношением и соблюдением правил грамматики. Он напоминал библиотекаря. Объяснил, что у него несколько высших образований и что он «не такой», как остальные «отщепенцы» вокруг. Постепенно, излагая свою историю, он стал более эмоционален – его глаза наполнились слезами, а очки запотели. Эта история была настолько абсурдной, что ее я запомнил навсегда: он сказал, что приехал в Москву, чтобы пожаловаться Горбачеву на человека, который незаконно построил гараж

и туалет под окнами квартиры его сына. *Это заговор*, – возмутился он.

До того я разговаривал с пожилой женщиной неподалеку от него, которая утверждала, что умирает от рака, а пятьдесят лет назад ее арестовали и отправили в ГУЛАГ. Дети этой женщины выросли в детском доме, она не видела их с тех самых пор и хотела найти перед смертью, но власти препятствовали ей. Вот почему капризный тон и жалобы аккуратно одетого мужчины на какой-то гараж показались мне крайне глупыми и притянутыми за уши, и даже хуже: скучными для телерепортажа. Ища, с кем еще поговорить, я постарался отделаться от него так быстро, как позволяла вежливость, и даже не стал дослушивать, что еще он собирался сказать. Вот как я упустил возможность снять интервью с Андреем Чикатило – Красным потрошителем, «Гражданином X», одним из самых страшных серийных убийц в современной истории – за три недели до его поимки.

Если Коттингема я запомнил, то про Чикатило напрочь забыл все, за исключением чистой одежды и странных жалоб. Я не помню его глаз – только слезы в них и запотевшие стекла очков; о его лице могу сказать лишь, что оно было бритым. Он так и остался вежливой тихой тенью в моих воспоминаниях, но в кошмарах он до сих пор является мне в виде монстра с пустыми глазницами, из которых льются слезы.

Через несколько дней после нашей короткой беседы в Москве он вернулся домой, в Ростов на Украине, и убил

свою пятьдесят первую жертву. В электричке он познакомился с умственно отсталым шестнадцатилетним юношей и убедил того поехать с ним «на дачу» под тем предлогом, что там ждут девушки. Они вдвоем сошли с поезда, и Чикатило завел парня в лес, где повалил на землю и сдернул с него брюки. Он связал жертву веревкой, которую носил с собой в чемоданчике как раз на такой случай, а потом перевернул и снял с него остальную одежду. (Что если это был тот самый «дипломат», который я видел при нем в палаточном городке?) Он изнасиловал его, потом откусил парню язык и нанес множественные ножевые ранения в голову и в живот. Затем отрезал гениталии и забросил их в кусты. Затащил труп в заросли, снял веревку и стер кровь с ножа и со своего лица одеждой парня. Поправил собственную одежду (может, ту самую рубашку с галстуком, в которых говорил со мной?) и спокойно вернулся на ближайшую станцию, чтобы сесть на электричку до дома.

Десять дней спустя на другой станции Чикатило убил и точно так же изуродовал еще одного шестнадцатилетнего мальчика – свою пятьдесят вторую жертву. Через неделю за зданием той же станции, где он убил умственно отсталого, он разделался с пятьдесят третьей и последней жертвой – женщиной двадцати двух лет. Он отрезал ей язык и оба соска, а также изуродовал гениталии. Вышел из кустов с кровью на лице и подошел к крану на платформе умыться. Милиционер, который был предупрежден, что поблизости оруду-

ет убийца, коротко опросил Чикатило и потребовал предъявить документы. Ему позволили ехать дальше – позднее милиционер утверждал, что не распознал кровь у Чикатило на лице. По новым правилам горбачевского режима поведение милицейских в отношении граждан строго регулировалось – они должны были точно следовать инструкциям. Милиционер отпустил Чикатило, но в следующие дни за ним установили слежку. Когда близ станции, где он был замечен, обнаружили труп жертвы, Чикатило немедленно арестовали.

В следующем году я следил за процессом над Чикатило по российскому телевидению и видел в газетах его фотографии. Чикатило убивал женщин, девочек, мальчиков и подростков, практически всегда заманивая их к себе в логово в бедном районе города или в лес. Благодаря вежливости и образованности он легко входил к жертвам в доверие. Охотясь за психически больными или умственно отсталыми, опустившимися людьми, он предлагал им еду, секс, убежище или обещал куда-то проводить, но дальше их ждала смерть. Изолировав жертву, он зверски набрасывался на нее и калечил своим «убойным набором» различных ножей и острых инструментов, которые носил в чемоданчике.

На процессе Чикатило выступал уже наголо обритый; он выглядел сумасшедшим и рычал на присутствовавших в зале суда из специально сооруженной для него клетки. Однако и по более ранним его фотографиям, опубликованным в прессе, я не вспомнил своего московского собеседника из пала-

точного городка. Я продолжал время от времени рассказывать ту историю с Ричардом Коттингемом, даже не подозревая, о ком забыл. И только годы спустя я прочитал протокол допроса Чикатило в полиции, где он жаловался на заговор по постройке гаража и туалета под окнами квартиры сына и вспоминал, как ездил в Москву жаловаться Горбачеву. В полном ужасе я замер: неужели это тот самый человек? *Наверняка* – история слишком уж эксцентричная, да и русский следователь обратил внимание на то, как Чикатило разволновался, когда заговорил про гараж. Действительно, после некоторых изысканий я получил данные о поездке Чикатило в Москву в октябре 1990-го, прямо перед совершением последних трех убийств².

Внезапно я осознал, что за свою жизнь встретился не с одним, а с *двумя* серийными убийцами – пока не опознанными и продолжавшими убивать, – и долгое время этого не подозревал. А сколько еще их бродит вокруг? И откуда, черт возьми, они берутся?

Банальность их биографий ставила меня в тупик – оба были людьми семейными и считались хорошими работниками: Коттингем – оператор компьютера и отец троих детей с домом в пригороде; Чикатило – школьный учитель с университетским образованием, отец двоих детей, автор политических статей, публиковавшихся в советской прессе, а позднее технический специалист. Они ничуть не походили на маньяков со стеклянными глазами, какими принято изображать

серийных убийц. Они были обычными.

Больше всего меня поразила их невидимость – точнее, ординарность. Оба выслеживали жертв и убивали их, но оставались своего рода призраками. Даже столкнувшись с Коттингемом, который предположительно нес с собой две отрезанные головы и только что поджег отель, где мне предстояло поселиться, я забыл его за пару секунд после встречи. Коттингем был таким незапоминающимся, что, бросив под кроватью в мотеле изуродованный труп, вернулся спустя восемнадцать дней *туда же*, и никто его не узнал.

О самом Чикатило я вообще ничего не помню – только его смехотворную историю и обрывочные впечатления: очки, узел галстука, чисто выбритая щека, «дипломат» на траве у ног... Но о *нем самом*... ничего. Эта невидимость позволила ему убить пятьдесят три человека и едва не скрыться с места преступления с кровью на лице, хотя милиционер его остановил. Что же это за отвратительные монстры?

Я начал размышлять о том, откуда взялись Коттингем и Чикатило, и что привело к тому, что я случайно столкнулся с *двумя* чудовищами, убийцами, свободно бродящими среди нас?

В попытке разобраться, как они стали такими, я написал эту книгу, а попутно задумался и о себе. Было ли во мне нечто, приведшее к встрече с ними? Я узнал, что многие жертвы серийных убийц «способствуют» собственной смерти, выбирая определенный образ жизни – это автостопщи-

ки, бродяги, уличные проститутки. Не будучи жертвой, я мог способствовать встрече с Коттингемом своим выбором отеля, расположенного в квартале проституток. Я вторгся в охотничьи угодья серийного убийцы, где и столкнулся с ним.

Если первую встречу с Коттингемом в Нью-Йорке еще можно было списать на случайность, то после второй, с Чикатило, я задумался. Начал рассчитывать математическую вероятность случайного контакта с *двумя* серийными убийцами. С одним еще ладно, но *двое* – как тут не задаться вопросом, *сколько еще* их может бродить вокруг, пока я ничего не подозреваю? Какова вероятность, что я окажусь рядом с серийным убийцей и не узнаю об этом – на улице, в очереди за бургером, в отделе детективов книжного магазина, на одном сиденье в поезде или автобусе? Я внутренне содрогался, когда слышал, что серийный убийца может быть совершенно посторонним – для тебя. Но он-то выбирает тебя в свои жертвы – ты не посторонний для него!

Казалось бы, миллионы людей проживают жизнь, ни разу не встретившись с серийным убийцей – или, по крайней мере, *не узнав*, что встречались с ним. Возможно, *именно это* отличает меня от вас: я узнал, с какими чудовищами столкнулся на своем пути. Я знаю *моих* серийных убийц, а вы не знаете *ваших*. И, надеюсь, не узнаете никогда.

Часть первая. История монстров

1. Постмодернистская эпоха серийных убийств, 1970–2000 годы: Молчание «не таких мертвых»

Все животные убивают – исключений тут, кажется, нет. Но только человек убивает ради удовольствия.

Марк Твен

Каждое общество получает тот тип убийцы, которого достойно.

Роберт Ф. Кеннеди

Серийный убийца эпохи постмодернизма

Это был красивый, спортивный, обаятельный юноша. Неизменно вежливый, он пользовался популярностью у противоположного пола и старался заботиться о ближних. Он был образованным, утонченным, воспитанным; выпускник Университета с дипломом по психологии. У него было множество друзей разного возраста и немало женщин, с которыми

ми он крутил романы. Многие считали его своим лучшим другом и конфидентом. Пожилая дама, с которой он приятельствовал, описывала его впоследствии как «обаятельного негодяя». Другая женщина, которая некогда его немного знала, бывший офицер полиции, позднее ставшая одной из ведущих американских писательниц в жанре триллер, утверждала, что он был «образцом старомодной галантности». Он работал консультантом психологической телефонной службы поддержки для людей, собирающихся совершить суицид, и недавно поступил в юридический колледж в Сиэтле. Правительство штата наняло его на должность советника по контролю над преступностью, и он даже написал руководство по предотвращению изнасилований для женщин. Он был активным волонтером Республиканской партии, желанным гостем на званых ужинах и завидным женихом, а сильные мира сего прочили ему в будущем должность губернатора, а то и президента. Он оказался некрофилом, который за шестнадцать месяцев похитил, убил, изнасиловал и расчленил – именно в таком порядке – двадцать девушек старшего школьного возраста. В какой-то момент он держал четыре головы своих жертв у себя в квартире. Еще одну голову он сжег в доме своей девушки в камине³. Его звали Теодор – Тед – Банди.

Часто можно слышать, как Банди с горечью называют нашим первым «постмодернистским» серийным убийцей. Действительно, он совершал свои преступления в соответствующую

щий период – впервые о нем стало известно в конце 1970-х. Тогда сам термин *серийный убийца* еще не употреблялся, и в человеческом сознании не было соответствующей концепции, несмотря на то что сам феномен находился на подъеме и над ним ломали головы эксперты и полиция.

Да, мы знали, что людей теперь убивают больше. Мы *почувствовали* это в тот пятничный ноябрьский вечер 1963 года, когда в Далласе застрелили Кеннеди. Те из нас, кто тогда был еще ребенком, помнят, как по телевизору перестали показывать мультфильмы – до следующей недели. В первые три дня там показывали лишь множество потрясенных, перепуганных людей. И раз за разом крутили видео с убийством в прямом эфире. Берт-Черепашка учил нас «пригнись и накройся»¹ – на случай падения бомбы. После убийства Кеннеди мир навеки стал страшным местом. Его смерть превратилась для нас в срединную точку между Перл-Харбором и 11 сентября – когда плохие вещи перестали случаться «где-то там» и начали происходить «прямо здесь».

Статистика может этого не подтверждать, но именно тогда мы *почувствовали* это плохое – в ноябре 1963 года. В это же время, на второй день после убийства, Бостонский душитель изнасиловал и убил свою двенадцатую жертву – двадцатитрехлетнюю учительницу воскресной школы. Двенадцать –

¹ «Пригнись и накройся» (*англ.* Duck and Cover) – американский образовательный фильм 1952 года о гражданской обороне, снятый по заказу Правительства США. Главный персонаж фильма, черепаха Берт, давала детям инструкции о том, как вести себя во время ядерного взрыва. (*Прим. ред.*)

это много даже по современным меркам; эксперты, изучающие серийные убийства, считают порогом для «экстремальных» случаев число восемь. (Интересно, как они пришли к такому выводу – почему не семь или девять?)

Дальше все покатило под откос. Наступил период гипернасилия. Людей убивали повсюду: дома, в церквях, на рабочих местах, на улицах, за границей на войне, на рисовых полях, в кампусах университетов, на хлопковых фермах, в торговых центрах, на манифестациях. Это пугало. Страшные новости приходили отовсюду, но и на их фоне бросались в глаза особенно чудовищные эпизоды. В 1966 году в Чикаго обезумевший алкоголик убил восьмерых медсестер в амфетаминовой лихорадке со связыванием, удушением и нанесением ножевых ран. Три недели спустя студент колледжа в Техасе поднялся на часовую башню с мощной винтовкой и расстрелял сорок пять человек, шестнадцать из которых погибли. Дальше, с разницей в несколько месяцев, были убиты Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди, а в промежутке случились уличные волнения. Когда наши парни вернулись из Милая во Вьетнаме детоубийцами, а Шерон Тейт зарезала банда распоясавшихся хиппи, мы все думали, что хуже быть уже не может. Но впереди поджидали 1970-е.

Первое крупное преступление нового десятилетия получило огласку в мае 1971-го. Опять, даже по сегодняшним стандартам, число жертв было грандиозным; полиция выкопала двадцать шесть трупов мигрантов, работавших на фер-

мах в Калифорнии, где выращивали персики. В убийствах обвинили Хуана Корону, их нанимателя, отца четверых детей. Мы не могли понять: как ему удалось убить столько людей и никто этого не заметил? То, что их убивали на протяжении долгого времени, просто не укладывалось в голове. Пресса не особо старалась разобраться в причинах: Корону изображали просто сумасшедшим, каким-то маньяком с подавленной гомосексуальностью. Опять же, его жертвы были всего лишь мигрантами, поденщиками с ферм, мексиканцами, по которым никто не собирался плакать.

Точно так же быстро стихла шумиха вокруг Дина Корлла, убившего два года спустя в Хьюстоне двадцать семь юношей – он ведь оказался «белой швалью», «педиком», к тому же был уже мертв, как и его беспутные жертвы: ни громкого процесса, ни репортажей – кому какое дело. Большой волне только предстояло прийти. Недавнее исследование, посвященное серийным убийствам в США в период с 1800 по 1995 год, показало, что 45 % известных серийных убийств произошло в последние двадцать лет, с 1975 по 1995 год⁴.

В 1976–1977 годах Дэвид Берковиц регулярно расстреливал женщин в Квинсе, Нью-Йорк, и рассылал письма с угрозами в духе Джека-потрошителя, подписываясь «Сын Сэма», в полицию и прессу. Теперь уже вся страна говорила о девушках, которых убивали по пути из дома в школу или на свидание. Нью-Йорк охватила паника. Когда Берковица арестовали, он оказался на удивление вежливым пухлым сим-

пятьгой. И снова производил впечатление сумасшедшего, а убийства объяснял тем, что ему приказывала черная собака – и мы сочли такое объяснение достаточным.

Серийный аспект этих преступлений от нас ускользал. Они казались спонтанными, непредсказуемыми действиями психопатов, сорвавшихся с катушек, – представление, укorenившееся в общественном сознании со времен Джека-потрошителя. От него до Бостонского душителя перед нами прошла череда других убийц, но мы все равно не видели, что происходит на наших глазах, считая, что эти акты зверской жестокости, «убийства на почве похоти» – один из симптомов современного индустриального мира.

Прообразом нового типа постмодернистского серийного убийцы предстояло стать Теду Банди. О нем мы узнали по новостям из Колорадо, когда в 1977-м его имя связали с семнадцатью убийствами девушек. Эти новости, сначала сочившиеся тонкой струйкой, быстро превратились в целый поток после двух его побегов и трех новых убийств во Флориде. Многие его жертвы были «добропорядочными» студентами колледжей – как и он сам. Процесс над Банди во Флориде показывали в прямом эфире, и по мере того как становились известны подробности его скрытой жизни, концепция преступника, совершающего убийства серией, начала оформляться в общественных представлениях. Книга Энн Рул, «Убийца рядом со мной», быстро ставшая классикой, положила начало новой волне литературы в жанре

«тру-крайм». Она познакомила общество с концепцией серийных убийств, хотя сам этот термин впервые был использован только в 1980 году.

Джека-потрошителя всегда изображали аристократом в цилиндре – представителем высшего общества, в котором внезапно разыгралась звериная натура. Серийных убийц после него общество воспринимало как монстров – ошибку природы, – изгоев и маргиналов с криминальным складом личности. Но не Банди – слишком уж он был похож на большинство из нас. Симпатичный студент колледжа, водивший «Фольксваген-жук», являлся обновленной, осовремененной версией Джека-потрошителя, и обладал теми же чертами, что и вся молодежь среднего класса, стремившаяся пробиться наверх. Иными словами, в отличие от серийных убийц прошлого, он был не одним из «них», а одним из «нас».

После Банди к преступлениям Короны, Корлла и Сына Сэма начали относиться по-другому – люди стали понимать, что в последнее время серийные убийства происходили куда чаще, чем общество соглашалось признать. Примерно в то же время, когда Банди начал убивать, обувной фетишист Джерри Брудос в 1968–1969 годах разделался с четырьмя женщинами и отрезал им ноги; в Мичигане Джон Норман Коллинз убил семерых девушек в период с 1967 по 1969 год. А ведь были и другие, которые признали свою вину, но не попали под суд, так как их признали сумасшедшими, поэтому мы практически ничего о них не слышали. В Санта-Кру-

зе, Калифорния, Джон Фрейзер в 1970-м убил пять человек; Эдмунд Кемпер, тоже в Санта-Крузе, убил восьмерых женщин с 1972 по 1973 год; тогда же, и опять в Санта-Крузе, Герберт Маллин убил тринадцать человек. Получается, только в одном городке в Калифорнии счет убийствам шел на десятки.

В конце 1970-х Кеннет Бьянки и Анджело Буоно задушили десять жертв на Голливудских холмах, а Уэйн Уильямс сбросил последние пять из своих двадцати двух жертв в реку в Атланте, пока Ричард Коттингем отрезал своим руки и головы, а тела сжигал в дешевых отелях Нью-Йорк-Сити. Теперь уже общество понимало, с чем имеет дело. ФБР пыталось разобраться в ситуации, опрашивая самих серийных убийц, чтобы понять, что, *по их мнению*, они натворили и почему. Из этих бесед впоследствии возникло криминальное профилирование. Тем временем сообщения о преступлениях продолжали поступать, и количество их возрастало.

В Чикаго мужчина средних лет был преуспевающим строительным подрядчиком и уважаемым членом местной общины. Он возглавлял ежегодный парад в честь Дня Конституции Польши, а в свободное время развлекал детишек в больнице, переодеваясь Клоуном Пого. Он являлся активным членом Демократической партии, и когда супруга президента, Розалин Картер, посещала Чикаго, сопровождал ее вместе с другими демократами. В подвале его дома, в мешках, полиция обнаружила тела двадцати восьми мальчиков и

юношей. Джона Уйэна Гейси признали виновным в убийстве тридцати трех человек, несмотря на его убежденность в том, что «клоуна в убийстве не уличишь».

В сельскохозяйственном Миссури мужчина, работавший на дружелюбного семидесятипятилетнего фермера и его очаровательную шестидесятидевятiletнюю седовласую жену, вспахивая поле, нашел там череп. Он сообщил о своей находке в полицию, и в ходе обыска на их землях было обнаружено пять трупов мужчин, застреленных в голову из винтовки 22-го калибра. В доме полиция нашла список временных работников, которых нанимали на ферму, – напротив некоторых имен стоял зловещий крестик. Наверху в спальне на кровати лежало лоскутное одеяло, которое хозяйка собственноручно сшила из обрывков одежды жертв, похороненных на поле. Супруги, Рей и Фей Коупленд, стали самыми пожилыми преступниками, приговоренными к смертной казни в Америке².

В Цинциннати санитар больницы Дональд Харви был признан виновным в убийстве тридцати четырех престарелых пациентов, которых он задушил подушкой или целлофановым пакетом либо отключил им аппарат искусственной вентиляции легких. Других он травил мышьяком, крысиным ядом, цианидом, очистителем или растворителем. Сам он объяснял это так: «Я считал, что поступаю правильно. Я из-

² Рей вскоре скончался от естественных причин в тюрьме. (Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.)

бавлял людей от страданий... Я оказывал им услугу». После вынесения приговора в Огайо Харви экстрадировали в Кентукки, где признали виновным еще в девяти убийствах. Затем он вернулся в Огайо, на суд по убийству соседа. Все-го он сознался в пятидесяти восьми убийствах. До суда над Гэри Риджуэем в ноябре 2003-го, где преступнику вынесли приговор за сорок восемь убийств проституток в Грин-Ривер, Харви считался рекордсменом по количеству жертв среди серийных убийц в Америке.

Кто такие серийные убийцы?

По данным статистики, выявленные серийные убийцы в основном являются белыми мужчинами с интеллектом выше среднего, которые начинают убивать в двадцать-тридцать лет, хотя есть и исключения. Например, Кэрроллу Эдварду Коулу было десять лет, когда он намеренно утопил другого мальчика, а во взрослой жизни совершил еще девять убийств – теперь уже женщин. В Англии Мэри Белл убила и расчленила двоих мальчиков в двух эпизодах, когда ей было всего одиннадцать – пожалуй, это самая юная серийная убийца в истории, если придерживаться определения серийного убийцы как того, кто совершает больше одного убийства в отдельных случаях. Юргену Барчу, убившему пятерых мальчиков в Германии в период с 1962 по 1966 год, было пятнадцать, когда он начал убивать, как и Эдмунду Кемперу

в Калифорнии, когда он в 1963-м застрелил своих бабушку и деда. Став взрослым, Кемпер убил шесть девушек, свою мать и ее лучшую подругу. Серийный убийца может быть и пожилым, как вышеупомянутый фермер, Рей Коупленд, семидесяти пяти лет, которого вместе с женой приговорили к смертной казни в Миссури в 1991 году за пять убийств.

Иногда серийные убийцы действуют в группах из двух человек: например, муж и жена или парень и девушка. Встречаются и культовые группы, совершающие серийные убийства, в которые входит больше двоих преступников.

В США большинство серийных убийц – белые мужчины, действующие в одиночку, хотя попадают и афроамериканцы, латинос, представители коренного населения и даже эскимосы. Доля афроамериканцев среди них в последнее время значительно выросла – с 10 % до 1975 года до 21 % на текущий момент⁵. Зачастую, но не всегда, серийные убийства совершаются в рамках расовой принадлежности – белые убийцы выбирают белых жертв, а чернокожие – чернокожих.

Недавнее исследование показало, что в период с 1800 по 1995 год в США насчитывалось 399 серийных убийц, а количество их жертв составляло от 2526 до 3860 человек⁶. Шестьдесят две женщины, представлявшие 16 % от общего числа серийных убийц, убили от четырехсот до шестисот человек. Семьдесят пять процентов установленных серийных убийц женского пола действовали в период после 1950 года. Треть из них совершали преступления с сообщником, обыч-

но мужчиной⁷.

Хотя большинство своих жертв серийные убийцы еще и грабят, основной движущей силой для их преступлений является сексуальный контроль и доминирование. Многих жертв насилюют до или после убийства; связывание, пытки, расчленение и каннибализм также нередко сопровождают данный тип преступления. Прочими мотивами серийных убийств являются финансовая выгода, ритуальные, политические, социальные или моральные императивы (миссионерские убийства), привлечение внимания (матери, убивающие своих детей) и сострадание (убийства в медицинской сфере).

Общая концепция серийного убийства и выбора жертвы

Во многих случаях убийца и жертва не знают друг друга либо являются посторонними, которые только-только познакомились. Жертв убивают не в процессе ограбления и не в результате ссоры с убийцей – между ними нет никаких личных или деловых связей. Жертвы – чужие люди, которых убивают именно ради убийства. Извращенное удовольствие от этого процесса и является главным мотивом. Изучение 326 американских серийных убийц, действовавших с 1800 по 1995 год, показало, что 87 % из них убили как минимум одного постороннего человека, а 70 % убивали *только*

незнакомцев⁸. В каждом случае убийцы тщательно замечали следы и продолжали вести свою обычную жизнь: фермера, доктора, бизнесмена, безобидного слабоумного, школьного учителя, студента юридического колледжа, заместителя шерифа, офисного работника. Совершив убийство, преступник отдыхал – несколько дней, недель или месяцев, – а потом находил новую жертву и убивал опять.

Серийные убийцы, хоть их и называют чудовищами, редко оказываются жуткими тварями с окровавленной пастью или обезумевшими психопатами, выполняющими сатанинские ритуалы. Да, попадаются и такие, но большинство из них на первый взгляд вполне нормальные, здоровые и даже симпатичные люди. Именно в этом и проблема – серийный убийца не привлекает внимания. Он, скорее, незапоминающийся и незаметный – пока вы не стали его жертвой.

Полицейские скажут вам, что преступник, как правило, не знает, что сейчас убьет. Он убивает в пылу ссоры, в ярости, иногда случайно – в процессе совершения другого преступления. А еще они скажут, что если вас и убьют, то по статистике убийцей, скорее всего, окажется человек, которого вы знаете, – и знаете хорошо. Жена или муж, родитель или ребенок, друг, любовник, родственник или приятель убьет вас гораздо скорей, чем незнакомец. Убийство – интимный процесс, происходящий обычно между друзьями или любовниками. Зачастую угрызения совести и страх накрывают того, кто только что совершил убийство, с головой сразу по-

сле преступления; многие так и сидят прямо на месте преступления, дожидаясь, пока прибудет полиция. Некоторые заботливо накрывают или моют тело жертвы, с которой разделались. А потом сдаютя полиции и признаются в содеянном; большинство никогда больше не убивает вне зависимости от того, сажают их в тюрьму или нет. Но хотя и сегодня большинство убийств происходят между людьми, знающими друг друга, это соотношение стремительно падает. Наши шансы быть убитыми незнакомцем в последние три десятилетия сильно выросли.

Серийные убийцы настойчиво и неустанно охотятся за своими жертвами с единственным намерением хладнокровно их убить. Мотив серийного убийцы произрастает не из его³ отношений с жертвой – никаких отношений между ними нет. Серийный убийца гоняется за незнакомцами, движимый сложным набором мотивов, известных только ему. Он предпочитает чужаков, потому что так его сложнее выследить, да и мучить и убивать их ему легче. Одно время серийные убийства называли «незнакомец – незнакомца», но поскольку тут имелось достаточное количество исключений (серийные убийцы, бывает, убивают и людей из своего окружения) появились другие термины: «убийства без мотива», «убийства ради развлечения», «убийства ради острых ощущений» и, наконец, «серийные убийства».

³ Хотя среди серийных убийц встречаются женщины, большинство из них – мужчины; поэтому я использую «он», а не «он/она», чтобы не перегружать текст.

Серийные убийцы делают все возможное, чтобы не попасться полиции и продолжать убивать. Тут можно возразить, что профессиональные киллеры, в частности мафиози, тоже стараются избежать ареста и убивают множество жертв, но ими движут финансовые соображения, а жертву указывает заказчик. Серийные убийцы же убивают ради собственного удовольствия и тщательно выбирают жертв, основываясь на внутренних мотивах. Эти убийства зачастую имеют сексуальный характер и редко приносят какую-либо финансовую выгоду.

Некогда серийных убийц называли «массовыми убийцами», но сегодня этим термином обозначают только тех, кто внезапно срывается с катушек и убивает без разбора некоторое количество жертв в ходе одного эпизода помрачения. Массовые убийцы не контролируют сами себя, и полицейские быстро ловят их или расстреливают; либо они сами кончают с собой, когда у них заканчиваются боеприпасы. Серийные убийцы, в отличие от массовых, между убийствами возвращаются к нормальной жизни. Они контролируют свои действия, сознают, что делают, и прилагают все усилия, чтобы избежать поимки. Некоторые тщательно изучают полицейские руководства по проведению расследований и досконально знают все процедуры. Это, как и тот факт, что серийные убийцы охотятся преимущественно на незнакомцев, сильно мешает в их поиске и поимке. Кроме того, около трети серийных убийц постоянно переезжают с места на место

и могут за год сделать несколько тысяч миль, меняя территории полицейской юрисдикции, что дополнительно затрудняет расследование.

Эксперты спорят о том, *сколько* жертв должно быть у убийцы, чтобы он считался серийным. ФБР, например, настаивает на минимум трех. Большинство же соглашается, что серийные убийства подразумевают так называемый «период охлаждения» между эпизодами. (По моему личному мнению, и одно-то убийство – ужас, а если их больше, это выходит за рамки человеческого понимания.)

Как и почему серийные убийцы убивают снова и снова? Серийное убийство – это *зависимость*, считают некоторые эксперты. Проще говоря, когда человек начал убивать (порой первое убийство бывает случайным), он становится зависимым, а убийство превращается для него в эмоциональный цикл, который начинается с сексуальных фантазий с убийствами. Искра вспыхивает – следует отчаянный поиск жертвы, ведущий к ее жестокому убийству, а затем период охлаждения и возвращения к обычной рутине – с ее невыносимыми стрессами, разочарованиями и страданиями, которые приводят к новым фантазиям. Стоит этому кругу замкнуться, и он практически не прерывается. Самое плохое здесь то, что фантазии об убийстве зачастую являются *единственным*, что приносит убийце успокоение. Как только он переходит черту, реализует свою фантазию и обнаруживает, что реальное убийство не приносит такого же удовлетворе-

ния, как мечты о нем, то погружается в глубокую депрессию и отчаяние, из которых вырастают еще более интенсивные фантазии, влекущие его к новым убийствам и попыткам все-таки получить желанное удовлетворение. Со временем застрявшие в этом страшном колесе серийные убийцы начинают спешить, частота и жестокость их убийств растут по экспоненте, и так до тех пор, пока их либо не поймают, либо они не «выгорят» – то есть достигнут точки, когда убийство перестанет их удовлетворять и придется остановиться, если ничто другое не положит конец их «карьере». (Очевидно, по этой причине встречаются серии убийств, которые прерываются сами, хотя преступник не найден.) Некоторые совершают самоубийство, переключаются на другие преступления или сдают полицию.

«Типичный» серийный убийца:

Гэри Леон Риджуэй, Убийца с Грин-Ривер

Когда пятидесятичетырехлетний Гэри Риджуэй в ноябре 2003 года признал себя виновным в убийствах сорока восьми проституток в штате Вашингтон в 1980-х и в результате сделки с правосудием избежал смертного приговора, в прессе выразались сожаления, что по его случаю ничего нового о серийных убийцах узнать нельзя⁹. Хотя он и стал в США рекордсменом по количеству жертв – а также по продолжительности времени, в которое умудрялся скрываться от полиции, – Риджуэй не вызвал у СМИ того интереса, который

обычно вызывают серийные убийцы. Риджуэй был настолько типичным, а его жертвы, уличные проститутки, настолько презренными в глазах общества, что даже при столь впечатляющем количестве смертей его преступления освещались лишь рутинно, да и то в основном в пределах штата Вашингтон.

Действительно, Риджуэй олицетворяет все, что мы знаем о типичном серийном убийце. Он родился в 1949 году, был средним из троих сыновей и рос в рабочем предместье Сиэтла. Его мать главенствовала в семье, доминируя над сыновьями и отцом; по словам одной из бывших жен Риджуэя она однажды разбила о голову мужа обеденную тарелку¹⁰.

Ребенком Риджуэй плохо учился, дважды проваливал экзамены, совершал поджоги, задушил котенка, заплатил маленькой девочке, чтобы та позволила совершить с ней обратные действия, а подростком едва не зарезал до смерти шестилетнего мальчика без видимых причин.

Он трижды был женат: первая жена утверждала, что их брак развалился, потому что мать доминировала над ним. Однако самого Риджуэя она считала совершенно нормальным, социально и сексуально.

На момент ареста Риджуэй работал в мастерской, где красили грузовики, и получал 21 доллар в час; то было его единственное место работы, куда он устроился сразу после окончания школы тридцать два года назад. Коллеги описывали его как человека добродушного и симпатичного, с которым

приятно куда-нибудь сходить после рабочего дня. Женщины, находившиеся под его началом, говорили, что он был единственным инструктором, который никогда не повышал на них голос.

Он владел домом за 200 тысяч долларов, воспитывал сына, выгуливал собаку, поддерживал дружеские отношения с соседями, ходил в церковь, устраивал гаражные распродажи, продавал продукцию «Амвей», встречался с приятелями, читал Библию, а какое-то время и проповедовал, ходя от дома к дому и призывая соседей стать ближе к Господу. Этот человек задушил минимум сорок восемь проституток, закопал их на лесных участках, которые называл «кластерами», и время от времени возвращался туда, чтобы заниматься сексом с их разлагающимися трупами.

Вторая жена говорила, что у него было навязчивое увлечение оральным и анальным сексом. И вторая, и третья жены вспоминали, что ему нравилось заниматься сексом вне дома. Только после его ареста они поняли, что он посещал с ними места, где были похоронены некоторые из его жертв.

Большинство убийств он совершил в двухлетний промежуток, с 1982 по 1984 год. Он предусмотрительно бросал чужие сигаретные окурки и жвачку на местах преступлений, чтобы сбить с толку полицию (сам Риджуэй не курил и жвачку не жевал). Он подстригал жертвам ногти на случай, если под ними остались улики. Вокруг одного тела раскидал рекламные листовки, тоже с целью отвлечь следователей, а

скелетные останки еще двух жертв увез в багажнике своей машины в другой штат, когда ездил туда в отпуск с сыном. Риджуэй признался, что разложил поверх одного из тел колбасы, рыбу и бутылку вина, изображая «Тайную вечерю», опять же чтобы запутать полицейских. По криминологической терминологии такая попытка придать своим действиям другое значение называется *инсценировкой*.

Впервые Риджуэя заподозрили в 1984-м, когда полиция застала его следящим за проститутками; коллеги подшучивали у него за спиной, называя Риджуэя «Грин-Ривер Гэри», ведь у него были точно такие же инициалы, «Г. Р». После того как на него пали подозрения, Риджуэй вроде бы перестал убивать – он признался только в одном убийстве в 1986-м, одном в 1988-м и одном в 1998 году. Однако полицейские считают, что он мог совершить еще двадцать убийств на территории других штатов. Только благодаря изобретению анализа ДНК Риджуэя удалось арестовать в 2001 году, спустя почти двадцать лет после совершения преступлений.

Риджуэй объяснил полиции, что предпочитал проституток, потому что их никто не стал бы разыскивать: «С проститутками легче всего. От секса с ними я перешел просто к убийствам... Самые молодые больше выпендривались, когда я общался с ними, а не когда убивал».

В его заявлении на заключение сделки с правосудием говорилось: «Я выбирал в жертвы проституток, потому что ненавидел их и не хотел платить им за секс. Также я выби-

рал их потому, что проституток можно легко увезти с собой. Я знал, что их не станут разыскивать сразу, а может, не станут вообще. Я выбирал проституток, потому что мог убить сколько угодно и не попасться».

Пока что Риджуэй ничем не отличается от других серийных убийц проституток. Как и Ричард Коттингем, он имел постоянное место работы, жену, дом и детей (точно также у пятидесятилетнего Роберта Йейтса было пятеро детей, жена, и дом в ипотеку. Как и Риджуэй, Йейтс цитировал Библию и убил тринадцать женщин в окрестностях Спокана). Многие из них пережили разрыв с партнершей, но он ничем не отличался от обычного развода. Коттингем, например, разошелся с женой, но поддерживал отношения с девушкой до самого дня ареста. Она описывала его как совершенно «нормального», хотя пару раз он возил ее в тот же мотель «Кволити-Инн» в Нью-Джерси, где убил двух своих жертв и был арестован, когда пытал последнюю. Уильям Лестер Сафф (убивший тринадцать проституток) и Артур Шоукросс (одиннадцать жертв) находились в длительных отношениях, когда совершали свои преступления.

Риджуэй действительно олицетворяет все, что мы знаем о серийных убийцах на текущий момент – все и ничего одновременно, потому что ответ на главный вопрос: *почему?* – продолжает от нас ускользать.

Эпидемия серийных убийств: статистика

Сколько серийных убийств происходит в мире? Практически ежемесячно полиция сообщает о новых случаях на разных континентах, исключая разве что Антарктику. От Аляски до Новой Зеландии, от Южной Африки до Китая серийные убийства происходят все чаще – в странах третьего мира этот рост происходит медленнее, а у промышленных наций напоминает стремительный взлет. Абсолютно любой человек может стать жертвой серийного убийцы: мужчина, женщина, ребенок, старик, богач, бедняк, мелкая сошка или знаменитость – никто не застрахован, как показало убийство Джанни Версаче. Отмечен даже случай, когда одного серийного убийцу убил другой такой же! (В августе 1970 года Дин Корлл, убивший минимум двадцать семь юношей, был убит Элмером Уэйном Хенли, одним из своих подельников.)

Как говорилось выше, хотя серийные убийцы убивают не только незнакомцев, в основном это так. Статистика серийных убийств переплетается со статистикой преступлений «без мотива», количество которых значительно выросло с 1970-х. По данным ФБР, в 1976-м они составляли 8,5 % всех убийств, в 1981 – 17,8 %, а в 1986 – 22,5 %¹¹. Серийные убийства долгое время относили к этой категории (сегодня их классифицируют уже как преступления на сексуальной почве).

К 1995 году, когда общее количество убийств в США достигло пика, 55 % жертв считались убитыми посторонними и *незнакомыми людьми* – то есть 11 800 человек!¹² Прежде чем идти дальше, следует, однако, прояснить следующее: «посторонние» – это те, в отношении кого следствие установило отсутствие связи с убитым. Поэтому речь идет не только о случайных жертвах серийных убийц, но также, к примеру, о продавцах в магазинах, убитых в ходе ограблений. С другой стороны, «незнакомые люди» – это те, про кого полиция не может с точностью сказать, что они знали жертву. Убийца не обязательно был посторонним – просто их отношения с жертвой не установлены или не внесены в отчет, на котором базируется статистика. В прошлом существовала тенденция, особенно в прессе, путать посторонних с незнакомыми людьми, в результате чего публиковались необоснованные заявления, что серийные убийства составляют чуть ли не 50 % от общего количества убийств, но при этом никак не упоминалось двоякое прочтение, о котором говорится здесь. Более того, ФБР не развенчивало это заблуждение по собственным политическим мотивам, как мы еще увидим в дальнейшем¹³. Так или иначе общее количество жертв серийных убийц распределяется по двум категориям – убитым посторонними и незнакомцами, – и процент этих категорий в общей статистике убийств продолжает расти.

На протяжении 1990-х процент убийств по сравнению с прочими преступлениями в США (в отличие от их общего

количества) заметно снизился: с 9,8 на 100 тысяч граждан в 1991-м до исторического минимума в 4,1 в 2000 году¹⁴. Но с 2001 года это соотношение снова начало расти, даже если не принимать в расчет гибель людей 11 сентября во время атаки террористов. Более того, количество убийств посторонними и незнакомцами в 2001 году добралось до нынешнего показателя в 57,7 %¹⁵. Из этого числа посторонние совершили 13,1 %, а в оставшихся 44,6 % отношения между жертвой и преступником остались неустановленными. Неизвестно, сколько из них было совершено серийными убийцами. Добавьте сюда тот факт, что в 2001 было раскрыто только 62,4 % убийств – показатель, стабильно падающий с 1961 года, когда 94 % из 8599 убийств, совершенных на территории США, было раскрыто в течение года¹⁶. Сегодня шансы избежать наказания, совершив «идеальное убийство» приближаются к пугающим «пятьдесят на пятьдесят».

Сколько неопознанных серийных убийц действуют сейчас? Серийные убийцы могут перестать убивать, когда переезжают, попадают в заключение по другому обвинению, умирают, погибают, совершают самоубийство или просто перерастают, взрослеют, начинают скучать или выгорают – об этом упоминалось выше. Многие серии загадочным образом оборвались сами по себе, как, например, преступления печально известного Зодиака, который убил предположи-

тельно от шести до тридцати семи жертв в Сан-Франциско в период с 1968 по 1969 год; Южного душителя, который убил двенадцать чернокожих женщин в Лос-Анджелесе начиная с 1984-го; и Черного Дудлера, убившего четырнадцать юношей-геев в Сан-Франциско двумя десятилетиями ранее. Убийства Грин-Ривер точно так же оборвались в 1984-м и оставались нераскрытыми до 2001 года.

Иногда серийные убийцы выгорают, и в зависимости от особенностей личности позволяют себя поймать, совершают самоубийство или просто затихают и ложатся на дно. Некоторых арестуют за другие преступления после того как прекращаются убийства, и те внезапно делают признание: как Альберт де Сальво (Бостонский душитель) или Дэнни Роллинг (Гейнсвиллский потрошитель). Очевидно, не существует точного количества жертв, на котором остановится убийца: Эдмунд Кемпер убил десять женщин, прежде чем положил конец своим преступлениям, убив мать и сдавшись властям. Генри Ли Лукас, с другой стороны, начал с убийства матери, и продолжал убивать несколько десятилетий, прежде чем разделался с единственным человеком, которого, по его словам, любил – своей тринадцатилетней сожительницей, ставшей, опять же по словам Лукаса, его триста шестидесятой жертвой. (Конечно, эта цифра крайне сомнительна.)

Однако ничто, кроме ареста, не остановит серийного убийцу в середине его цикла. Артур Шоукросс сначала убил

двоих детей в штате Нью-Йорк, быстро был арестован и отсидел четырнадцать лет в тюрьме, прежде чем его выпустили в 1987-м. Он сразу же продолжил там, где остановился, и за двадцать один месяц убил одиннадцать женщин в Рочестере, Нью-Йорк, прежде чем его арестовали повторно.

В 1958 году в Нью-Джерси Ричарда Бигенвальда арестовали после совершения первого убийства; он отсидел семнадцать лет и в 1975-м вышел на свободу. До того, как в 1983 году снова попасть под арест, он убил еще как минимум семь человек.

В Торонто, Канада, семнадцатилетний Питер Вудкок убил двух мальчиков и девочку в период с сентября 1956 по январь 1957 года. Его признали невиновным по причине психического заболевания и поместили в закрытый госпиталь. Он лечился там тридцать пять лет и наконец получил разрешение на постепенную интеграцию в общество. 13 июля 1991 года пятидесятидвухлетнему Вудкоку дали увольнительную на три часа, за которые он должен был пройтись пешком по городу и купить пиццу, чтобы принести ее назад в госпиталь. Прежде чем покинуть территорию, Вудкок избил, затащил в кусты и смертельно ранил ножом, а затем изнасиловал другого заключенного – прямо внутри периметра. Далее, воспользовавшись пропуском, он прогулялся две мили до ближайшего полицейского участка и сознался в совершенном преступлении.

Серийные убийцы неизлечимы: от тяги убивать их не из-

бавляют ни время, ни тюрьма – только само убийство.

Точное количество серийных убийц и их жертв установить невозможно; в 1986 году, по оценкам Департамента юстиции США, жертвами серийных убийц стало от 1000 до 2500 человек¹⁷. Другие источники называют гораздо большую цифру – 6000 за год¹⁸. В Грин-Ривер в штате Вашингтон один Гэри Риджуэй за двадцать месяцев убил сорок восемь женщин в 1982–1984 годах.

Примечательно, что никто не может точно сказать, сколько вообще убийств происходит ежегодно в Соединенных Штатах, так как в статистике имеются серьезные расхождения. Считается, что до недавнего падения их количества на территории США происходило 20–22 тысяч убийств в год, однако, по другим данным, это количество равно 40 тысяч – расхождение объясняется разными процедурами учета¹⁹. (К 2000 году число убийств снизилось до 15 586, но в 2001-м выросло до 15 980, не включая жертв терактов 11 сентября, то есть еще 2,5 %. Предварительная статистика на 2002 год показала дальнейший рост на 0,8 %. Этот последний показатель неравномерно распределен по территории США: на Северо-Востоке наблюдается падение на 4,8 %, а на Западе – подъем на 5,2 %. В городах-миллионниках количество убийств снизилось на 4 %, а в городах с населением от 50 до 100 тысяч жителей в 2002 году наблюдался резкий подъем

на 6,7 %. В пригородах крупных городов показатель убийств подскочил на целых 12,4 %.)²⁰

В эту статистику не входят люди, пропавшие при невыясненных обстоятельствах. В часто цитируемом докладе Департамента здравоохранения США говорится об 1,8 млн детей, которые пропадают из дома ежегодно. Девяносто пять процентов из них считаются «сбежавшими» и 90 % таких сбежавших возвращаются домой в течение двух недель. Но ведь остается еще 171 тысяча беглецов, которые просто не учитываются! Пять процентов становятся жертвами похищения, из них 72 тысячи похищают родители в ходе споров об опеке. Но оставшиеся 18 тысяч детей и подростков просто исчезают бесследно – по крайней мере, по данным доклада²¹.

Судьбу пропавших взрослых проследить нелегко – если кто-то вообще озаботится их поисками. В 1971-м, когда Хуан Корона положил начало эре серийных убийств с многочисленными жертвами, ни одного из убитых им двадцати шести сезонных рабочих не объявили в розыск, пока не были найдены их могилы. Личности пяти из них не выяснены по сей день. Некоторые жертвы, за убийство которых был осужден Генри Ли Лукас, тоже не опознаны. На процессе их называли по предметам одежды, которые были на трупах в момент обнаружения. Девушка, которую Лукас подобрал, когда она ловила машину в Оклахома-Сити, лежала мертвая в кювете, в одних носках. Для полиции и суда она так и осталась «Оранжевыми носками». Девочка-подросток, жертва Ричар-

да Коттингема, обнаруженная в отеле на Таймс-сквер с отрезанной головой, до сих пор не опознана. Несколько тел, найденных в подвале дома Гейси, остались безымянными.

Хотя серийное убийство не является новым феноменом, этого нельзя сказать про резкий рост числа таких преступлений в последние три десятилетия. Восемьдесят процентов выявленных серийных убийц мужского пола, действовавших на территории США в период с 1975 по 1995 год, составляют 45 % от всех серийных убийц, мужчин и женщин, в США за период с 1800 по 1995 год²². С 1960 по 1990 год количество подтвержденных серийных убийств выросло на 940 %²³. В начале 1980-х стремительный взлет числа серийных убийств привел к панике, охватившей всю нацию. Больше всего пугала статистика, поступающая из надежных источников, которые утверждали, что серийные убийцы похищают огромное количество детей. Конгресс занялся этим вопросом и даже провозгласил, что нация столкнулась с «эпидемией серийных убийств». Центр по предотвращению и контролю над заболеваемостью в Атланта назвал серийные убийства одним из факторов роста смертности в Америке.

В 1990-х серийные убийства стали темой для книг и кинофильмов. Сначала вышел фильм «Молчание ягнят», познакомивший аудиторию с образом профайлера из ФБР и собственно серийным убийцей, Ганнибалом Лектором. Выход книги Брета Истона Эллиса «Американский психопат»,

продажа коллекционных карточек с портретами серийных убийц, закрытие сервисом AOL сайта Сондры Лондон⁴ о серийных убийцах, продажа произведений, созданных серийными убийцами, и онлайн-аукционы с артефактами, принадлежавшими им, – все это способствовало формированию отдельной культуры серийных убийств.

В 1990-х серийные убийства активно освещались прессой. В августе 1990 года машины телевидения со спутниковым оборудованием примчались в Гейнсвилл, Флорида, чтобы по горячим следам рассказать о пяти жестоких убийствах с расчленением студентов колледжа. В июле 1991 года не меньше 450 журналистов освещали процесс Джеффри Дамера, обвинявшегося в убийстве с элементами каннибализма семнадцати жертв в Висконсине и Огайо. Поимка серийного террориста Теда Качинского – Унабомбера, – после двадцати лет преступной деятельности стала сенсацией в середине 1990-х, и вещательные компании платили по 500 тысяч долларов за возможность отправить корреспондента на его процесс. Убийство итальянского магната высокой моды Джанни Версаче в Майами было на первых полосах всех газет в 1997-м. В 2001-м арестовали Гэри Риджуэя, подозреваемого

⁴ Сондра Лондон (род. 1947) – автор документальной криминалистики, наиболее известна как девушка осужденного убийцы и предполагаемого серийного убийцы Джерарда Шефера и невеста осужденного серийного убийцы Дэнни Роллинга. Она использовала личные отношения для того, чтобы опросить их о преступлениях и мотивах, и опубликовала результаты своих расследований. (*Прим. ред.*)

в убийствах Грин-Ривер, которые оставались нераскрытыми двадцать лет.

Убийства продолжались: осенью 2002 года убийства Вашингтонского снайпера показывали в прямом эфире – еще один случай «запойного» серийного убийства. В мае 2003 года полиция арестовала подозреваемого по делу о семи убийствах с изнасилованиями в Батон-Руж, Луизиана, а позднее в том же году в Вашингтоне было закрыто дело Грин-Ривер – Гэри Риджуэй признался в убийстве невероятного количества – сорока восьми! – человек. В феврале 2004-го правоохранительные органы Арканзаса и Миссисипи объединили усилия с Техасом и Оклахомой, чтобы найти убийцу-дальнобойщика, охотившегося на женщин на стоянках для грузовиков. Тела десяти жертв, преимущественно проституток, он выбрасывал возле рек, ручьев или мостов в четырех штатах; убийства продолжались с 1999 по 2004 год²⁴.

Когда эта книга готовилась к выходу весной 2004 года, все внимание страны было приковано к Канзасу, где происходила новая серия убийств. В Уичито после двадцатипятилетнего перерыва неустановленный серийный убийца, известный как ВТК (от *bind, torture, kill* – «связать, пытать, убить») внезапно связался с властями, выслав им водительские права одной из своих жертв и фотографии ее тела. ВТК убил как минимум восьмерых в период с 1974 по 1986 год, включая семью из четырех человек, и одновременно дразнил полицию письмами и телефонными звонками. Он часто прони-

кал в дома жертв, порой даже днем, и перерезал телефонный провод, прежде чем перейти к пыткам и убийству. В одном из своих посланий он писал [орфография и пунктуация авторские]:

Я не могу перестать и монстр продолжит делать плохо мне и обществу. Общество должно мне сказать спасибо потому что для таких как я еще есть способ просто представлять себе пытки и представлять жертв. Монстр мой приятель ведет игру ведет жертвам счет, преследует их, караулит в темноте, ждет, ждет... давление велико и иногда он нарушает правила. Может вам удастся его остановить. Он уже выбрал следующую жертву. Я не знаю кто это. Я узнаю на следующий день из газет, но будет поздно. Удачи в охоте. P.S. Раз преступники на почве секса не меняют МО (*modus operandi*, или способ действия) или не могут так, я тоже не изменю. Кодовые слова будут... связать, пытать, убить, В.Т.К., вы еще увидите их. На следующей жертве.

Затем внезапно в 1979 году ВТК замолчал и, если не считать убийства Вики Вегерле в 1986-м, которое сперва не связали с ним, прекратил убивать. В 1986 году специальное подразделение, созданное для его розыска, было расформировано.

В январе 2004 года газеты Канзаса сообщили о тринадцатой годовщине первых убийств ВТК – тогда он задушил семью Отеро. Шесть недель спустя полиция объявила, что в редакцию газеты в Уичито пришли фотографии трупа Вики

Вегерле. Полиция прочесывала тюремные архивы в надежде, что ВТК посадили по другому обвинению в последние два десятилетия, и так его удастся найти.

Тем временем в Канзас-Сити в апреле был выявлен подозреваемый в серии из двенадцати убийств женщин с удушением и изнасилованием, совершенных между 1977 и 1993 годами. Им оказался сорокатрехлетний женатый служащий утилизационной компании из Канзаса, которого с помощью анализа ДНК удалось связать с жертвами: девятью белыми и тремя чернокожими женщинами в возрасте от пятнадцати до тридцати шести лет. Одиннадцать из них, по данным полиции, были проститутками, а двенадцатая – психически больной бродягой, которая охотно подсаживалась в машины к незнакомцам²⁵.

В Канаде полиция потратила 25 млн долларов на расследование по делу фермера Роберта Пиктона, подозревавшегося в исчезновении шестидесяти жительниц Ванкувера, преимущественно уличных проституток и наркоманок. Криминалисты буквально по крупицам просеивали землю на его свиноферме в течение восемнадцати месяцев; им удалось обнаружить останки двадцати двух тел и следы ДНК других пропавших женщин. Пиктону выдвинули пятнадцать обвинений в убийстве первой степени, но в январе 2004 года полиция заявила об обнаружении останков еще девяти женщин там же, на свиноферме. Личности шести из них установили также по ДНК. Прокуратура уведомила суд, что против Пик-

тона будут выдвинуты дополнительные обвинения. Его процесс был перенесен на 2005 год²⁶.

В Китае в апреле 2004-го полицейские выкопали несколько новых трупов на территории свинофермы, принадлежавшей отцу двадцатидевятилетнего Хуан Юна. Он уже признался в убийстве семнадцати школьников, с которыми знакомился в интернет-кафе и клубах компьютерных игр. Он привязывал жертв к столу, пытал, душил и расчленил, потому что, по его собственным словам, любил «ощущение убийства». Юна казнили в декабре, но его родственники продолжали обыскивать ферму и находить новые тела.

Китай в последнее время пережил волну серийных убийств. Сю Мин, двадцатилетний житель провинции Хэбэй, изнасиловал по меньшей мере тридцать семь женщин в возрасте от семидесяти одного до девяноста трех лет. Пожилых женщин «легче контролировать», сказал он полиции. Ян Синьхай, самый известный серийный убийца в Китае, убил шестьдесят пять человек и изнасиловал двадцать три женщины. В южном городе Шэньчжэнь супружеская пара убила семнадцать молодых соискателей, пытавшихся устроиться на работу. В Пекине водитель такси с женой убили семь человек, включая четверых проституток, тела которых они расчленили и частично съели. В Нанкине владелец палатки с едой, обеспокоенный конкуренцией, подсыпал крысиный яд в продукцию соперника, убив тридцать восемь человек.

На Тихоокеанском побережье США, недалеко от мест, где Гэри Риджуэй разделался со своими сорока восемью жертвами, Дэвид и Мишель Нотек – муж и жена, – были обвинены в пытках и убийстве минимум четырех человек прямо у себя дома, на идиллической ферме с белым заборчиком. На момент выхода книги они ждали суда. Дальше на юге, в Калифорнии, Скотт Петерсон предстал перед судом за убийство своей беременной жены, Лейси; в свою защиту он утверждал, что его «подставил» серийный убийца.

Сейчас, когда я пишу эти строки, вы, включив телевизор, непременно обнаружите на одном из центральных каналов какое-нибудь шоу о серийных убийцах вроде *NBC: Дата* или *20/20*. Это могут быть старые эпизоды или серии с обновленными данными. На канале «Дискавери» масса передач посвящена «науке поимки серийных убийц». На History Channel – «Истории серийных убийц». На PBS крутят «Разум убийцы», на Biography Channel... в общем, вы поняли. Разве что кулинарные каналы пока воздерживаются от обсуждения рецептов знаменитых каннибалов.

Неудивительно, что наш век называют эпохой серийных убийств; такое впечатление, что мы живем в мире, где буйствует эпидемия необъяснимых преступлений, и их количество постоянно растет.

За кулисами «эпидемии серийных убийств»

Если бы я действовал исключительно как писатель, то считал бы свою цель достигнутой – у вас наверняка уже возникло чувство тревоги от описания внезапного и неуклонного роста, на протяжении трех десятилетий, количества необъяснимых серийных убийств, грозящих нам в любом уголке мира. Эта тревога подпитывает продажи книг, журналов и рекламы на телевидении. Историк во мне, однако, хочет разобраться, что *действительно* произошло, даже если правда окажется более прозаичной, чем мифы. Эта волна серийных убийств была не так проста, как литература в жанре тру-крайм, правительство и СМИ ее нам представляли.

Да, казалось, что эпидемия серийных убийств началась в 1970-х, ровно так, как я ее описал, но давайте вспомним, что во второй половине века население страны сильно увеличилось. Больше людей, больше жертв, больше серийных убийц.

Для начала: в первой половине века не существовало телевидения, а газеты не были связаны между собой средствами коммуникации и корпоративными договорами до такой степени, как сегодня. Информация о серийных убийствах зачастую не выходила за пределы одного региона, и поэтому у историков возникают теперь трудности при сравнении нынешних преступлений с прошлыми. К 1960-м новостная индустрия стала куда более централизованной благодаря те-

леграфным агентствам, современным средствам коммуникации и корпоративным слияниям, поэтому случаи серийных убийств даже в отдаленных регионах в 1970–1980-х освещались гораздо шире, отчего у аудитории и возникло ощущение внезапной эпидемии беспрецедентных преступлений. Сообщения о любых множественных убийствах попадали в заголовки и разлетались по всей стране благодаря телеграфным агентствам.

Наконец, нашу «эпидемию серийных убийств» можно объяснить тем фактом, что большая часть удручающей криминальной статистики в начале 1980-х исходила из Департамента юстиции США, а также антикриминального лобби и групп защиты жертв преступлений. Тогда же ФБР лоббировало государственное финансирование своих новых программ. В ФБР поняли, что некоторые убийства не удастся соотнести с совершившим их лицом из-за разницы в юрисдикции (так называемая «слепота связей»), и для решения проблемы требуется создать общую базу данных.

Отдел поведенческих исследований (ОПИ) ФБР в Куантико, Виргиния (помните «Молчание ягнят»?), который изначально был создан для изучения психологии преступников, захватывающих заложников, взялся исследовать психологию и методологию серийных убийц в попытке выявить в их действиях характерные паттерны. В период с 1979 по 1983 год агенты из ОПИ провели углубленные интервью с тридцатью шестью отбывающими наказание убийцами на сексу-

альной почве; двадцать девять из этих убийц были серийными²⁷. Их расспрашивали обо всем: от самых ранних детских воспоминаний до жутких деталей совершенных преступлений и мотивов. Агенты интервьюировали также их родственников, друзей и знакомых – и жертв, оставшихся в живых. ОПИ составил подробный отчет о 118 погибших жертвах, которых приписывали преступникам, участвовавшим в исследовании: род их деятельности, образ жизни, место встречи с убийцей, данные вскрытия и обстоятельства обнаружения тел. Все эти данные легли в основу системы профилирования ФБР.

Чтобы с успехом применять эту систему для расследования серийных убийств в разных штатах, требовалось создать некий официальный централизованный орган по сбору информации, ее хранению и предоставлению для анализа. На это нужны были средства, и немалые.

В тот же самый период (1981–1983) в Капитолии три крупных комитета занимались проблемами роста насилия, слепоты связей, похищений детей, детской порнографии и серийных убийств: Специальный комитет Генерального прокурора по насильственным преступлениям, Сенатский комитет по гражданским и конституционным правам и Подкомитет по ювенильной юстиции сенатора Спектера в рамках Юридического комитета Сената США.

Начало слушаний в 1981 году сопровождалось несколькими громкими случаями убийств детей. В Атланте арестовали

Уэйна Уильямса, совершившего серию убийств чернокожих детей и подростков; в Нью-Йорке по дороге в школу пропал Итан Патц; во Флориде шестилетнего Адама Уолша похитили из торгового центра, когда мать на минуту оставила его без присмотра. Обезглавленные останки мальчика позднее нашли плавающими в канале. С преступлением удалось связать некую машину, зарегистрированную в другом штате, но убийцу так и не нашли. Позднее выдвигались предположения о том, что им мог быть Отгис Элвуд Тул, партнер Генри Ли Лукаса (эти двое заявляли, что убили 360 человек, катаясь по разным штатам). Адам был сыном Джона Уолша, который позднее стал известным правозащитником и ведущим передачи *«Самые разыскиваемые преступники Америки»*.

Спустя год после смерти сына, Джон Уолш выступил перед Сенатским комитетом: он описывал недавние случаи серийных убийств и выдвигал предположение, что пропавшие дети являются преимущественно их жертвами. Проблема с поимкой преступников заключается в слепоте связей и отсутствии координации между правоохранительными органами разных юрисдикций. Дети – легкая добыча – исчезают без следа, пока их не находят спустя длительное время где-то в общей могиле. Опираясь на противоречивую цифру, озвученную Департаментом здравоохранения – 1,8 млн пропавших детей ежегодно, – Уолш заявил, что каждый час в стране пропадает 205 детей, многие из которых, по его словам, будут найдены убитыми. Он не упомянул о том, что 95 %

из этих пропавших позднее окажутся беглецами, а из беглецов 95 % вернутся домой в течение двух недель²⁸. Вслед за ним газеты кричали: «205 ДЕТЕЙ ПРОПАДАЕТ КАЖДЫЙ ЧАС!»

«Невероятное, невозможное количество детей, пятьдесят тысяч, ежегодно пропадают или становятся жертвами похитителей», – провозглашал Уолш в своем выступлении²⁹. «Наша страна усеяна расчлененными, обезглавленными, изнасилованными и задушенными трупами детей», – предупреждал он³⁰.

3 февраля 1984 года в своей колонке, которая распространилась на всю страну, Энн Лэндерс опубликовала письмо, присланное исполнительным директором Центра Адама Уолша. Оно начиналось так: «Дорогая Энн, обратите внимание на эту леденящую душу статистику: каждый час в Америке пропадает 205 детей. Это 4920 в сутки и 1,8 млн в год»³¹.

Слышать такое было страшно, и матери по всем штатам прятали детей за запертыми дверями. Однако откуда взялась цифра в 50 тысяч, на которую ссылался Уолш? По данным недавнего исследования Джона Гилла, сенатор Клейборн Пелл, представитель Демократической партии от округа Род-Айленд, был первым официальным лицом, упомянувшим в 1981 году цифру в 50 тысяч пропавших детей ежегодно со ссылкой на данные Департамента здравоохранения и социального обеспечения. Официальные представители Де-

партамента этих данных не признали, а персонал сенатора Пелла не смог припомнить, откуда они получили ту информацию³².

По ходу слушаний звучала масса спекулятивных заявлений, которые быстро просачивались в прессу. Одна ошибка допускалась чаще всего: категории убитых *незнакомыми и посторонними* по Общему отчету ФБР о преступности объединялись в общий показатель, отчего повышалось процентное соотношение так называемых убийств без мотива, совершенных предположительно серийными убийцами. С помощью такой «хитрой математики» была сделан вывод, что около 25 % всех убийств – от 4000 до 5000 в год, – следует приписать серийным убийцам. Единственное, что может спасти страну, – это дополнительное финансирование от Конгресса.

Этот призыв радостно подхватили пресса и писатели тру-крайм. На показатели, упомянутые при слушаниях, купились даже эксперты. Например, в часто цитируемой работе Холмса и де Бургера от 1988 года говорится:

...от 3500 до 5000 человек ежегодно погибают в нашей стране от рук серийных убийц. Мы подчеркиваем, что эта оценка приблизительная, но приближение достаточно точное с учетом доступных данных и вклада многочисленных экспертов, ныне работающих над данной проблемой³³.

На эти цифры активно ссылаются по сей день. На обо-

роте обложки недавно переизданной «Энциклопедии серийных убийц» Майкла Ньютона в специальной рамке красуется броский слоган: «Отправная точка для любого серьезного исследования феномена серийных убийств, жертвами которых становится около 3500 человек ежегодно – а преступники разгуливают на свободе...»³⁴

Однако такие данные не соответствуют действительности, и всем надо это знать. Общее количество жертв серийных убийц в США за период в 195 лет, с 1800-го по 1995-й, составляет 3860 человек – максимум³⁵. Из этого числа максимум 1398 человек было убито с 1975 по 1995 год, то есть в среднем 70 человек в год. Даже если предположить наличие других, неизвестных, жертв, эта цифра останется крайне далека от 3500 в год, про которые так часто кричат в прессе. Но 3500 жертв в год звучит круче, чем 70. Как выразился Джоэль Бест, анализирувавший статистику похищений детей в 1980-х: «Очевидны три принципа: большие цифры лучше маленьких; официальные цифры лучше неофициальных; большие официальные цифры – лучше всех остальных»³⁶.

Задумайтесь: исследование 1498 случаев убийств детей в Калифорнии с 1981 по 1990 год показало, что отнюдь не серийные убийцы, как заявлял Джон Уолш, а родственники, преимущественно родители убивают детей в возрасте до девяти лет чаще всего. Посторонние участвовали только в 14,6 % убийств детей в возрасте от пяти до девяти лет и в

28,7 % убийств детей от десяти до четырнадцати лет. Установить связь с убийцей не удалось в 10,4 и 20,1 % убийств в двух возрастных группах соответственно. Знакомые убили 30,2 % и 39,2 % жертв в каждой возрастной группе, женщины составляли 36,4 и 18,7 % убийц, а родственники, включая родителей, убили 44,8 и 11,9 % детей соответственно³⁷. У детей в возрасте от десяти до четырнадцати лет главным мотивом убийства становилась ссора – 60,9 % случаев, огнестрельное оружие использовалось в 64,2 % случаев, и в 51,5 % случаев убийство происходило в общественном месте. Иными словами, маленьких детей убивали дома родные, а более мобильных и независимых подростков – в первую очередь знакомые, а затем посторонние люди в общественных местах.

Невероятные показатели похищенных детей, от 30 до 45 тысяч, которые часто цитировали в прошлом, в конце 1980-х тоже подверглись критике. Люди начали интересоваться: где же происходят эти похищения? Почему о них не пишут в газетах? Откуда такие цифры? Кто такие эти серийные убийцы, которые похищают малолетних? Наконец, Конгресс профинансировал программу по составлению точной статистики похищенных и пропавших детей под названием Национальное исследование случаев пропажи, похищения, бегства или бродяжничества детей (NISMART).

Исследование показало, что существует два определения «похищения»: законодательное и стереотипное, которо-

го придерживается общественность. В представлениях общества похищение ребенка происходит, когда незнакомый человек уводит или увозит его на значительное расстояние, удерживает силой ради выкупа в течение суток или более, либо убивает. Такие преступления, как похищение и убийство Полли Клаас в 1993 году или недавно раскрытое похищение Элизабет Сمارт, поддерживали в обществе страх перед незнакомцами, крадущими детей. Однако закон трактует этот термин шире. Например, по законодательству Калифорнии похищением считается любой увод жертвы, насильственный или нет, на расстояние больше двадцати футов и удержание более получаса, если в этот период не происходит перемещений³⁸. Поэтому, когда ФБР сообщало о 90 тысячах изнасилований в 1980-х, где девочки-подростки составляли более трети всех жертв и по-прежнему определялись как малолетние, обстоятельства этих преступлений укладывались в законодательную концепцию о похищении детей. И совсем по-другому представляли себе похищение ребенка перепуганные родители.

Исследование NISMART пересмотрело статистику похищений детей в контексте стереотипного видения этого преступления. Выяснилось, что за двенадцатилетний период с 1976-го по 1988-й, в среднем за год жертвами стереотипных похищений становилось от 43 до 147 детей. Такие цифры выглядели более правдоподобными на фоне достаточно редких упоминаний о похищениях детей в прессе. Реальность

такова, что похищения и убийства детей незнакомцами – действительно редкий вид преступлений. Страхи и озабоченность, вызванные преувеличенной и искаженной статистикой начала 1980-х, не соответствовали истинной степени опасности. Эти страхи сохраняются по сей день, несмотря на крайне низкую вероятность самого преступления. Конечно, данный факт малоутешителен для родителей тех 43–147 несовершеннолетних в год, которых похищают незнакомцы.

Когда в 1981–1983 годах в Вашингтоне шли слушания по данному вопросу, журналисты, словно косяки рыб, метались между Сенатом и многочисленными пресс-конференциями. Статьи в крупнейших журналах, таких как *Time*, *Newsweek*, *Life*, *Omni*, *Psychology Today*, *Playboy* и *Penthouse* в красках расписывали картину США, охваченных «эпидемией» бессмысленных хаотичных убийств, совершаемых сорвавшимися с цепи монстрами, которые охотятся за нашими детьми.

Их пугающие преувеличенные заявления все-таки привели к некоторым результатам: в 1982-м Конгресс принял Акт о пропавших детях, а в 1984-м – Акт о содействии при розыске пропавших детей. Президент Рональд Рейган лично объявил о создании Национального центра анализа насильственных преступлений (NVAVC) в рамках Отдела поведенческих исследований ФБР в Куантико. Данные по убийцам на сексуальной почве, собранные ОПИ, ныне используются в программе VICAP (Программа по задержанию насильствен-

ных преступников). Если у отделения полиции возникает подозрение, что на его территории действует серийный убийца, заполняется стандартная анкета VICAP, состоящая из 188 вопросов, которая затем передается в Отдел поддержки исследований, а тот составляет профиль неизвестного преступника. (Более подробно о профилировании и связанных с ним проблемах мы будем говорить в Главе 9.) Вопросы в анкете касаются малейших деталей – от описания места, где было найдено тело жертвы, до подробностей нападения или расчленения, состояния автомобиля подозреваемого и его способов сближения с жертвой, если о них что-то известно.

Система VICAP действует в обе стороны. Во-первых, компьютер анализирует паттерны, с помощью которых можно связать правонарушителя с другими преступлениями, которые он ранее мог совершить на территории США. У каждого серийного убийцы, как известно, имеется личная «сигнатура», о которой он сам обычно не знает, и правильно заполненный опросник VICAP позволяет выявить ее и далее сравнить с другими правонарушениями.

Во-вторых, информация, переданная в систему, позволяет аналитикам составить профиль убийцы. ФБР добилось здесь немалых успехов, хоть техника пока и несовершенна. Анализ данных опросника позволяет с большой долей вероятности установить расу, возраст, социальный статус, профессиональную принадлежность, умственные способности и сексуальные предпочтения преступника; как он одевается и

даже какой тип машины водит. Успешное профилирование может значительно сузить круг подозреваемых.

Это означает, что даже на безумие, которое творят серийные убийцы, есть разумная управа. Благодаря исследованию, проведенным ОПИ, нам стало многое известно о том, как и почему серийные убийцы задумывают и осуществляют свои преступления.

Предыдущие «эпидемии» серийных убийств

Давайте еще раз вернемся к вопросу нарастания числа серийных убийств в последние тридцать лет. Оно действительно происходит, или это СМИ поднимают шум из политических и коммерческих соображений? Филип Дженкинс, профессор Университета Пенсильвании, является, пожалуй, самым признанным разоблачителем статистики серийных убийств. Он, например, изучил списки преступлений всех известных серийных убийц, составленные Департаментом юстиции для Отдела поведенческих исследований. И отметил, что в отчет от 1992 года ФБР включило 447 преступников, действовавших с 1900 по 1970 год, и еще 365 – действовавших с 1970 по 1992 год, а также 2636 их установленных жертв плюс 1839 возможных. Однако сравнив эти два списка, Дженкинс нашел огромное количество повторов – например, для каждого убийцы из «семьи» Мэнсона повторялся общий список жертв, отчего количество жертв запой-

ных убийств в 1969 году оказалось в три раза больше, чем на самом деле³⁹. Дженкинс нашел еще множество похожих случаев с повторным упоминанием жертв в двух списках, установленных и «возможных», а также множество ложных признаний, вроде признания Генри Ли Лукаса в 360 убийствах.

Поэтому – хорошая новость: серийных убийц и их жертв гораздо меньше, чем утверждает ФБР.

Плохая новость, по мнению Дженкинса, в том, что волна серийных убийств в последние три десятилетия, хоть и не такая большая, как считалось ранее, тем не менее реальна – и, более того, она не первая. Она всего лишь следует за несколькими предыдущими волнами этой же «эпидемии», каждая из которых была заметнее другой. Дженкинс установил два периода, когда возникали волны серийных убийств: 1911–1915 и 1935–1941 годы. Он выявил, что список ФБР, дублировавший некоторые случаи современных серийных убийств, полностью упускал часть предыдущих⁴⁰.

Например, ФБР упоминает о тринадцати сериях убийств за двадцатипятилетний период с 1900 по 1924 год. Однако просто изучив старые выпуски *New York Times* Дженкинс обнаружил волну из семнадцати случаев, происшедших всего за пять лет, с 1911 по 1915 год! Очевидно, ФБР недооценило распространенность серийных убийств в Америке в начале века.

Например, Генри Ли Мур в 1911–1912 годах, переезжая с места на место, убил более двадцати пяти человек – от

его руки гибли целые семьи. Однако нам мало что известно о нем – Мур так и остался строчкой в примечании. В сентябре 1911-го Мур топором зарубил шесть жертв в Колорадо-Спрингс – мужчину, двух женщин и четверых детей. В октябре он убил трех человек в Монмауте, Иллинойс, а позднее, в том же месяце, вырезал пятерых членов одной семьи в Элсуорте, Канзас. В июне 1912-го он убил супружескую пару в Паоле, Канзас, а спустя несколько дней убил еще семь человек, включая четверых детей, в Виллиске, Айова. Далее Мур вернулся домой в Коламбию, Миссури, где убил своих мать и бабушку. Там его арестовали и в декабре 1912 года предали суду. Однако Мура не сразу удалось связать с предыдущими преступлениями; это произошло только после того, как федеральный агент, расследовавший убийства в Виллиске, узнал от своего отца, охранника тюрьмы Ливенуорт, имевшего связи в пенитенциарной системе, о преступлениях Генри Ли Мура в Миссури.

В Атланте с мая 1911 по май 1912 года погибло двадцать афроамериканок со светлым оттенком кожи: все были убиты на улицах в духе Джека-потрошителя. С 20 мая по 1 июля 1911 года неизвестный убийца разделался с первыми семью жертвами – по одной каждую субботу, как часы.

В Денвере и Колорадо-Спрингс в 1911–1912 годах до смерти забили семерых женщин; поймать преступника так и не удалось.

С января 1911 по апрель 1912 года сорок девять чело-

век стали жертвами неустановленного убийцы с топором, действовавшего в Техасе и Луизиане. Они очень напоминали убийства Мура – погибали целые семьи: мать с тремя детьми, зарубленные в собственных постелях в Рейне, Луизиана, в январе 1911-го; в десяти милях от них, в Кроули, Луизиана, трое членов семьи Байерс в феврале 1911-го; две недели спустя семья из четырех человек в Лафайетт. В апреле убийца ударил в Сан-Антонио, Техас, разделавшись с семьей из пяти человек. Все жертвы были убиты в своих постелях ночью, из их домов ничего не пропало. В ноябре 1911 года преступник вернулся в Лафайетт и убил семью из шести человек; в январе 1912-го мать с тремя детьми были убиты в Кроули. Два дня спустя, на озере Чарльз, семью из пяти человек убили в их постелях; на месте преступления убийца оставил записку: «Ибо Он взыскивает за кровь; помнит их, не забывает вздохи угнетенных».

В феврале 1912-го преступник убил женщину с тремя детьми, когда те спали у себя дома в Бомонте, Техас. В марте мужчина, женщина и четверо ее детей были зарублены насмерть в Глиддене, Техас, тоже во сне. В апреле погибла семья из пяти человек, опять в Сан-Антонио, а две ночи спустя еще трое были убиты в Хемпстеде, Техас. Эти преступления так и остались нераскрытыми.

В Нью-Йорк-Сити 19 марта 1915 года «потрошитель» убил пятилетнюю девочку, спускавшуюся по лестнице в многоквартирном доме, где она жила. Он отправлял письма

с угрозами ее матери и в полицию, подписываясь «Г. Б. Ричмонд, Джек-потрошитель» и обещал, что продолжит убивать. 3 мая он убил четырехлетнего мальчика, игравшего в холле жилого дома и затолкал его труп под лестницу. Найти преступника не удалось.

Все эти убийства были громкими преступлениями; о некоторых писали в прессе, о некоторых – нет, но сегодня про них все забыли. Джек-потрошитель со своими пятью жертвами вошел в историю, но убийца с топором из Луизианы/Техаса, убивший сорок девять человек, предан забвению. Разница между ними в том, что Лондон был центром гигантской газетной индустрии, а Луизиана и Техас – нет. Историю Джека-потрошителя многократно пересказывали, она вошла в литературу, а убийца с топором из Луизианы/Техаса полностью стерся из коллективного сознания. «Эпидемии» серийных убийств возникают трудами не только преступников, но и прессы.

Рост числа серийных убийств в мире

Увеличение количества серийных убийств в последние три десятилетия – не только американская проблема. Хотя эта тенденция зародилась в США, ныне она распространилась гораздо шире. Семьдесят шесть процентов недавно зарегистрированных серийных убийств в мире случились на территории Соединенных Штатов, 21 % – в Европе (где ли-

дирует Англия с показателем 28 % от общеевропейского числа, а за ней идут Германия и Франция с 27 и 13 % соответственно)⁴¹.

Некогда серийные убийства считались исключительно американским феноменом, однако в последнее время в Европе они случаются все чаще. В Англии полиция раскрыла двенадцать убийств, совершенных в 1971–1987 годах Розмари и Фредом Уэст в Глочестере; в числе жертв оказалась их собственная шестнадцатилетняя дочь, пропавшая в 1987-м.

В другом случае жители многоквартирного дома в Лондоне пожаловались на плохую работу канализации; когда сантехник проверил трубы, то обнаружил в них полуразложившиеся фрагменты человеческих останков. Деннис Нильсен, бывший констебль полиции, проживавший в том же здании, сознался в убийстве шестнадцати юношей: трупы он резал на части и смывал в унитаз.

В 2000 году английский врач Фред Шипман предстал перед судом по обвинению в убийстве пятнадцати своих престарелых пациентов, однако общее количество его жертв приближалась к четыремстам, что делает его рекордсменом среди серийных убийц современности. (Если серийного убийцу удастся приговорить по нескольким убийствам, власти не выдвигают следующих обвинений в рамках одной юрисдикции).

Во Франции парижская полиция в 1998 году объявила о поимке Ги Жоржа, «Монстра из Бастилии», который изна-

силовал и убил семерых женщин. Он был признан «психически нестабильным» и регулярно нападал на женщин, а жил преимущественно в дешевых мотелях или сквотах. В суде прокурор называл Жоржа «воплощением зла», а психиатры предупреждали, что вылечить его от тяги к убийству невозможно. Поскольку Жорж родился и вырос в Анжере, его допрашивали также по трем случаям убийств и изнасилований, происшедших там с 1991 по 1994 год. Все жертвы были молодыми девушками; некоторых нашли привязанными к кроватям с перерезанным горлом. В 2001-м Жорж получил пожизненный приговор без возможности условно-досрочного освобождения в течение двадцати пяти лет.

В Копенгагене, Дания, двое хирургов – один из них полицейский патологоанатом – были приговорены к пожизненному заключению за убийства десяти женщин. Полицейский патологоанатом выполнял вскрытия некоторых из собственных жертв.

Италия тоже пострадала от роста числа серийных убийц в Европе, о чем свидетельствует хорошо известное дело Флорентийского монстра, который убил восемь пар в период с 1968 по 1985 год, а фрагменты их тел отослал в полицию и СМИ. В другом случае двое молодых людей – «яппи», – сын знаменитого пластического хирурга из Вероны и сын управляющего директора Веронского отделения немецкой страховой компании – были обвинены в двадцати семи убийствах. Одной из их жертв стал священник, которому забили в лоб

гвоздь, а за ним – стамеску, заканчивающуюся крестом.

В Апулии в сентябре 1997-го полицейские арестовали подозреваемого в убийствах минимум восьми пожилых женщин – все жертвы жили на первых этажах. В 1998-м в Вероне Джанфранко Стеванина судили за убийства и расчленения шести женщин в период с 1991 по 1994 год; останки он закапывал в полях недалеко от города.

Той же зимой, в 1998-м, Италию потрясла серия громких убийств женщин в поездах, на курортном побережье между Генуей и Монте-Карло. Убийца вламывался к ним, когда они были в туалете, открыв дверь специальным ключом. Разделавшись с жертвой, он запирает дверь назад и скрывается в своем купе, пока проезд проходит туннель. К моменту, когда кондуктор являлся проверить запертый туалет, убийца успевал сойти с поезда. По этому делу полиция арестовала сорокасемилетнего профессионального игрока и преступника-рецидивиста Донато Биланчу, которому предъявили обвинения в семнадцати убийствах, совершенных за полгода. В числе его жертв было девять мужчин и восемь женщин – не только те, на кого он нападал в поездах, или уличные проститутки, но также подельники, друзья и знакомые. Одну жертву он задушил, остальных застрелил.

По неизвестной причине Бельгия в последнее время стала новой горячей точкой в Европе с большим количеством серийных убийств. После отсрочки процесса на восемь лет Марк Дютру, 47 лет, и двое его сообщников, в том числе быв-

шая жена Мишель Мартен, 44 года, в марте 2004-го предстали перед судом за жуткие похищения, изнасилования и убийства четырех девочек в середине 1990-х. Дютру, ранее судимый за убийства и педофилию, обвинялся также в убийстве пятой жертвы, сообщницы, которая, по его словам, довела девочек до голодной смерти, держа их в подвале. В суде Дютру признался в изнасилованиях похищенных девочек, в том числе нескольких восьмилетних, но не в убийствах. Тела девочек и сообщницы были найдены в земле на участке Дютру. Полицейским также удалось спасти двух девочек, 12 и 14 лет, которых нашли живыми в клетке в доме Дютру. Преступник признался, что изнасиловал двенадцатилетнюю жертву минимум двадцать раз за время ее семидесятидневного плена. Бельгийцы ожесточенно протестовали в ответ на отсрочку суда на восемь лет, выдвигая предположения о существовании в стране высокопоставленного и влиятельного кружка педофилов.

В другом случае, в октябре 1997 года, бельгийские власти обвинили некоего Андраша Панди – семидесятилетнего протестантского пастора из Венгрии – в убийстве двух его бывших жен и четверых детей. Его дочь, Агнес, призналась, что помогала отцу убить пятерых родственников: свою мать, двоих братьев, мачеху и ее дочь, – ныне полиция расследует исчезновения других членов семьи. Агнес связывают также с исчезновением в 1993 году двенадцатилетней девочки, у матери которой был роман с пастором Панди. В своем доме в

Брюсселе Андраш Панди селил осиротевших или бездомных детей, пострадавших в ходе революции в Румынии в 1989-м, когда был свергнут коммунистический диктатор Николае Чаушеску. В качестве прикрытия пастор основал благотворительный фонд под названием ИДНАП (Панди наоборот). Дети оставались под его опекой в течение разного срока, «и неизвестно, что с ними произошло и вернулись ли они домой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.